

The book cover features a digital illustration of two characters. In the foreground, a woman with long, dark, flowing hair and a determined expression looks directly at the viewer. She wears a dark red, textured tunic with black leather straps and a gold-colored headpiece. Behind her, a man with short, graying hair and a stern expression looks off to the side. He wears a dark blue tunic and has a large, ornate golden staff or weapon resting on his shoulder. The background is a warm, golden-brown color with some mechanical or architectural elements visible in the upper left corner.

Олег Никитин

**ДЕМОН
ЭЛЬДОРАДО**

Олег НИКИТИН
Демон Эльдорадо

«Автор»

2005

Никитин О. В.

Демон Эльдорадо / О. В. Никитин — «Автор», 2005

Кровавые жертвоприношения на ночных улицах, изощренные интриги при дворе правителя, жестокое соперничество с молодым жрецом... Все это выпало на долю нашего современника, в результате магического ритуала попавшего в древнюю Южную Америку, где еще не слышали об инках. Зато здесь люди встречаются с чужими богами, стремящимися подчинить всех своей воле, и грядущее их господство несет не только благо, но и смерть. Верховный жрец, простой воин и гость из нашего времени – готовы ли они противостоять угрозе и какими станут после смертельной схватки?

© Никитин О. В., 2005

© Автор, 2005

Содержание

Пролог. Разделенные пространством	5
Часть I. Дневная звезда	13
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Олег НИКИТИН

ДЕМОН ЭЛЬДОРАДО

Пролог. Разделенные пространством

Канонада возобновилась с рассветом.

Многие из тех, кто вчера нашел прибежище в припортовых постройках, были мертвы уже к закату. Повстанцы не пожалели инфраструктуру порта и обстреляли самые «неважные» здания из своего примитивного, но довольно точного орудия. Вся современная машина вооружений, завязанная на спутниках, отказала еще неделю назад, и правительственные войска оказались в положении слепых щенков.

Без активной поддержки из космоса все снаряды уходили в никуда. Расчет мятежников на старые системы наведения оказался верен – буквально за несколько суток им удалось морально уничтожить большую часть верной правительству армии.

Вчера еще продолжали сопротивляться отдельные «элитные» подразделения, но уже сегодня они вполне могли раствориться в разрушенной столице, слившись с сотнями тысяч дезертиров и простых граждан – эти с любопытством ждали, когда закончится вооруженная смена власти, чтобы вернуться к привычным занятиям.

– Мы должны бежать, Энки.

Звуки разрывов почти не доносились сюда, на двадцатиметровую глубину, только вздрагивал бетонный пол да сыпалась невесомая пыль с низкого потолка.

– Куда? Они не оставляют живых. Ты же знаешь, новый клан всегда уничтожает предыдущий. Соседи не дадут нам прибежища, даже если мы сумеем взлететь. Рано или поздно все кончится позорной смертью.

– Ты предлагаешь сидеть тут и ждать, когда они пустят газ? Или пробьют слой бетона своими химическими снарядами...

Коаау резко отодвинула поднос с двумя крошечными тарелками. Энки также едва приоткрылся к завтраку – он прислушивался и к тишине за стальными дверями, и к бушевавшему на поверхности пламени.

И еще он остро сожалел о том, что дочь пострадает ни за что. Остальные из высших хотя бы участвовали в распределении если не денег, то властных полномочий в правительстве. Будучи близкой родственницей премьера, по значимости в иерархии она оказалась неотличимой от сотен простых исполнителей приказов.

Если бы не отдаленный грохот разрывов, здесь можно было бы сойти с ума от невыносимой тишины. Даже собственные шаги казались ее продолжением, недовольным откликом в ответ на попытку хоть чем-то потревожить слух.

– Пора, – решил Энки и с трудом встал. – Мы улетаем. Если остальные согласятся, конечно.

– Они ждут только тебя! – хищно рассмеялась Коаау.

Сумасшедшее веселье резко сменило мрачную унылость дочери. Она как будто не понимала, что за пределами атмосферы их не ждет ничего хорошего.

– Оповести команду, а я пока поднимусь к твоей матери.

– Нет, тебя могут убить!

– Я слишком стар для таких передрыг, Коаау. Моя смерть стала бы лучшим исходом для меня и для всех вас...

– Ты по-прежнему глава клана, Энки, – поразила дочь. – Ты не можешь оставить нас в такое время.

Бывший премьер и не подумал спорить, он просто вызвал чудом сохранившийся в рабочем состоянии грузовой лифт и поднялся к поверхности. Полубессонная ночь давала о себе знать – тело почти не слушалось, а ноги искали опору понадежнее, чем осколки бетона.

Здание спецтерминала для правительственных грузов лежало в руинах, но время от времени здесь продолжали гроыхать разрывы старинных снарядов. Окажись у повстанцев более современное оружие – точнее, возможность применить его, – от глубинных помещений и коммуникаций уже ничего бы не осталось. И десятки членов клана Энки уже давно превратились бы в часть переплавленных жаром обломков прежней власти.

Наспех сооруженная могила жены была придавлена рухнувшей плитой, из которой торчала искривленная арматура. Энки опустился на нее и закрыл глаза, стараясь не обращать внимания на канонаду. «Откуда у них такие запасы снарядов?» – крутилась в голове глупая мысль. Отогнав ее, он стал сожалеть, что дочь оказалась настолько бесчувственной, что не пришла навестить место последнего упокоения матери. Слов для прощания никак не находилось.

«Я должен был отдать два-три поста в правительстве», – еще одна бесплодная идея, что занозой сидела в голове Энки и то и дело заставляла его замереть в отчаянии. Но кто мог знать, что у противников окажется столько сил, чтобы замахнуться на саму власть клана Энки, а не выторговывать для своих представителей должности и денежные кормушки? А сейчас они не успокоятся, пока не покажут народу труп бывшего премьера и его ближайших родственников. Остальные, пожалуй, еще могли бы затаиться в глуши, вдалеке от столицы, и... провести жизнь в страхе перед наемным убийцей. Да и какая может быть работа у изгоя, фактически врага государства?

Никакая другая страна, разумеется, не позволит сесть челноку с орбиты, полному «преступников». Ведь их в любом случае придется выдать.

– Нам не дадут сдать с поднятыми руками, – словно убеждая себя в необходимости предстоящего бегства с планеты, сказал Энки. – Я должен спасти их любым способом... А затем мы вернемся, когда будем готовы дать отпор! Я клянусь тебе.

Ему казалось, что, если он обратится к мертвой жене, слова его обретут силу закона Вселенной. Обманывать мертвецов кощунственно. Энки провел ладонью по каменному крошеву, словно благословляя эту бетонную плиту, и с трудом поднялся.

Времени на колебания не осталось, пришла пора действовать. В порту сейчас достаточно квалифицированных специалистов, чтобы подняться на орбиту, а там уже видно будет, что делать дальше.

Не обращая внимания на близкие разрывы – они звучали как-то несерьезно, будто Энки передалось отношение к обстрелу со стороны самих повстанцев, – бывший премьер спрыгнул на платформу лифта и на мгновение ужаснулся, что механизм за время его прощания с женой вышел из строя. Но привод исправно заработал, опустив Энки в глубину.

– Наконец-то! – радостно выкрикнул при виде него некий солдат и бодро прокатил мимо тележку с пластиковыми ящиками.

За время отсутствия предводителя убежище превратилось в подобие приемного терминала порта за пять минут до посадки орбитального челнока. Все исполняли давно продуманную в деталях программу эвакуации на орбиту, перевоза к стартовой шахте необходимые для длительного путешествия ресурсы. Правда, большая часть механизмов не работала, и соратникам Энки приходилось в полную силу использовать мускулы.

Старик прошел в свой бункер и понял, что дочь собрала практически все важное. Только документы, которые тогдашний премьер прихватил неделю тому назад с собой, так и остались лежать на столе. Теперь они не заинтересовали бы никого.

Энки извлек из ящика единственную вещь, которую мог захватить с собой, – хрустальный медальон с упрятым внутри шпилем древнего правительственного дворца. Все детали архитектурного сооружения отлично просматривались сквозь хрустальные грани. Этот пред-

мет являлся своеобразным внутриклановым символом власти, передаваемым из поколения в поколение. Несмотря на то что самого дворца, каким он был тысячи лет назад, уже давно не существовало...

Энки стал одним из последних, кто прибыл к пусковой шахте. Весь этот район, конечно, избежал бомбардировки – никакая власть не станет уничтожать средства вывода грузов и людей в космос.

Бунтовщики не знали главного. А именно того, что всего месяц назад орбитальным телескопом в близкой звездной системе была обнаружена наконец планета, способная стать временным прибежищем для верхушки поверженного клана. Об этом знали немногие, поскольку Энки лично распорядился держать информацию в тайне. Уже тогда повсюду чувствовалось приближение грозы, способной поколебать устои государства. Любой глава клана слишком хорошо знал историю, чтобы не почувствовать незримое передвижение противника, концентрацию капиталов и живой силы вокруг правящей «партии».

Около сотни аннунаков собралось перед широким грузовым тоннелем, ведущим внутрь челнока. Здесь были как простые члены клана, так и обладавшие заметной властью – еще недавно. Теперь они все были равны.

Энки взобрался на ящик и произнес слова, которые давно подготовил для этого случая:

– Вы знаете, что на орбите нас ждет экспериментальный корабль, построенный для изучения ближайших звездных систем. Мы собирались отправить на нем исследовательскую экспедицию, которая открыла бы для нас новые миры и подарила новые знания. Сейчас мы не можем принести своему народу иной пользы, кроме как выполнить задуманное. Я верю, что однажды наступит день, когда мы станем достаточно сильны, чтобы вернуться и отомстить за наших братьев и сестер. Не сомневаюсь, что это произойдет уже при нашей... точнее, вашей жизни. Лишь бы нам хватило уверенности в собственной правоте. А теперь, если кто-то хочет остаться здесь и отдаться на милость врагу, может это сделать.

Он подал знак, и народ разом задвигался, подхватил еще остававшиеся тут мелкие вещи, коробки и пакеты.

И тут плечо Энки обожгла резкая боль, а рука разом отнялась, будто ее не стало. Падая, он успел заметить аннунака с импульсным пистолетом, который вновь целился в него от полутемного тоннеля, из-за штабеля металлических контейнеров. Кто-то испуганно вскрикнул, и на какое-то время среди беглецов воцарилась паника. Однако тотчас же резкий окрик, принадлежащий архитектору Маукуче, вынудил женщин и детей отступить в переходный тоннель к челноку.

Послышались ответные шипящие выстрелы.

– Ты жив? – вскричал Балам, наклоняясь над головой клана. Тот попытался встать, но Балам прижал грудь Энки сухой ладонью и ощупал рану. Вслед за чем торопливо извлек из саквояжа бинт и моментально наложил его на рану. – Ничего серьезного...

– Кто этот предатель? – поморщился Энки и все-таки поднялся.

– Не знаю, сейчас его уже не узнать.

Стрелявший давно превратился в дымящийся ошметок мяса, и строить догадки, зачем он открыл стрельбу, не было времени. Несколько особо разъярившихся аннунаков, которые ринулись на поиски возможных отступников, остановил приказ командора челнока. Тот, разумеется, возглавлял организованное отступление и должен был последним взойти на борт космического судна.

Откуда-то доносился глухой лязг, как будто повстанцы устали обстреливать убежище издалека и решили взять его штурмом.

– Все на корабль! – в очередной раз взревел командор, размахивая оружием. – Сейчас тут будут изменники!

– Кто-то дал знать им, что мы решили взлететь, – сказал Балам и помог Энки сделать первые несколько шагов по направлению к тоннелю.

– Коаау?.. – Энки досадливо оттолкнул руку врача.

– Уже там! Я отослал ее, когда увидел, что твоя рана неопасна.

Подгоняемые командором, в окружении последних солдат бывший премьер-министр и Балам двинулись по короткому прозрачному коридору. Тот быстро привел их в шлюз челнока, и вскоре его стальные створки с шипением съехались. Давление в челноке быстро нарастало, и Энки перестал задыхаться от недостатка азота.

Работающий вхолостую двигатель судна передавал на его корпус легкую, едва ощутимую дрожь.

– Вперед! – вскричал командор в переговорное устройство, закрепленное на его запястье.

Оставалось надеяться, что бунтовщики не сумели протащить за собой в шахту что-нибудь бронестойкое. Впрочем, у них еще оставался шанс поразить челнок на взлете.

Энки в сопровождении солдат и Балама протиснулся в «пассажирский» салон челнока, совсем не предназначенный для перевозки такого количества аннуаков. Ускорение прижало всех к ребристому металлическому полу.

Отсек наполовину был заставлен контейнерами и завален баулами и пластиковыми коробками с личными вещами беженцев. После резкого старта часть груза рассыпалась. Некоторые, самые младшие дети не успели оправиться от испуга и хныкали, другие просились в туалет или пить, кто-то переругивался по поводу тесноты с соседями...

Они совершенно не думали о том, что в следующую секунду в борт челнока может ударить снаряд. Если он и не разрушит корабль, то сделает взлет невозможным.

Командор с напряженным лицом вслушивался в то, что ему передавали из рубки. Постепенно морщины на его лбу разглаживались, и спустя пару минут он облегченно вздохнул.

– Они пропустили нас.

Энки лишь покачал головой. Может быть, лучше было бы подвергнуться мощному и убийственному удару, чем лететь на орбиту, – кто знает, что приготовили повстанцы? Не исключено, что команда исследовательского судна уже переметнулась на сторону врага и попросту откажется впустить пассажиров челнока.

Спустя десять минут в челноке медленно установилась невесомость – корабль вышел на орбиту и принялся маневрировать для стыковки с исследовательским судном. К этому времени Энки уже находился в рубке и пытался выйти на связь с каким-либо из государств. У него была в общем единственная надежда. Только одна из стран располагала достаточной военной мощью и находилась на приличном удалении от родины клана Энки, чтобы согласиться принять беженцев.

Наконец после некоторых колебаний связистов его соединили с вице-королем – единственным облеченным властью аннуаком, который счел возможным вступить в контакт с беженцами.

– Девяносто три члена клана Энки просят временного прибежища, – сказал Энки.

– Что это с вами, дружище? – усмехнулся собеседник и показал взглядом на плечо бывшего премьера. – Вы ранены?

Сигнал после нескольких переключений между спутниками связи порой сбивался, отчего по экрану хаотично проскальзывали серые полосы. Они как будто старались нарисовать крест на надеждах беглецов.

– Пустяк, поцарапал при посадке...

– Если я разрешу вам сесть, разразится дипломатический скандал, – без обиняков заявили с планеты. – Его смогли бы компенсировать лишь очень значительные финансовые поступления.

– Я понимаю, – пробормотал Энки. – К сожалению...

– Вы не успели создать за границей стабилизационный фонд? – поднял брови собеседник. Энки промолчал.

– Может быть, у вашего правительства имеются другие активы?

На это у бывшего премьера также не нашлось что ответить, и тут уже он уловил за спиной, среди соратников, некоторое напряжение. Очевидно, многие рассчитывали на то, что Энки при первых признаках угрозы перевел необходимые средства в какой-нибудь незаметный иностранный фонд, подальше от лап политических соперников из враждующего клана.

– Вы уверены, коллега? – с холодной усмешкой спросил вице-король.

– У нас ничего нет, кроме челнока и еще одного корабля.

– Я не могу захватить имущество страны, с которой мы только год назад подписали мирный договор.

– Под ним стоит моя подпись.

– Не имеет значения. Это стало бы грубым нарушением международного права. И кстати, я не уверен, что вы можете рассчитывать на преданность команды вашего корабля...

Энки сообразил, что разговор ни к чему не приведет, и вице-король также понял это.

Может быть, усталый вид раненого коллеги, пусть и бывшего, что-то сдвинул в его настроении. После некоторого колебания он сказал:

– Вы можете отправить к нам женщин и детей. В конце концов, существуют явные этические правила, которые запрещают уничтожать их... Думаю, на этот счет мы с вашим преемником договоримся.

– Нам нужно будет обсудить ваше предложение, – с облегчением ответил Энки.

– Конечно. Пристыкуйтесь сначала к своему межзвездному кораблю, там и решите.

Энки отключил связь и какое-то время не решался обернуться к соратникам, затылком чувствуя их взгляды. Пришло время каждому решать собственную судьбу.

Алекс хлопнул дверью комнаты и почти бегом кинулся по коридору в сторону лестницы.

За поворотом он едва не сбил с ног мелкую и толстую горничную с кипой белья. Он успел только заметить ее испуганное круглое лицо с индейским носом и услышать робкий вопрос на испанском. Вопрос, естественно, остался без ответа. Алекс с топотом сбежал по каменным ступенькам в холл и вывалился на белую улицу. Лелька наконец-то осталась далеко позади и не смогла бы теперь догнать Алекса. Да и вряд ли она станет это делать – сидит в номере на мягкой постели и наверняка ревет, дура.

Ну и ладно! Сама же просила прокатить ее над этими идиотскими рисунками на ска. Полтора баксов на ветер выкинул, а потом еще терпел ее нытье. Тошнит ее, видите ли! Парашют для таких чувствительных не предусмотрен. Кто же знал, что «Сессна» будет ловить каждую воздушную яму и внутренности при этом ползут к самому горлу? И ведь денег не вернули, что самое противное. Угораздило же связаться с такой нюней, да еще приволочь ее в Анды! Хотя без ее испанского ему пришлось бы туго, ходил бы за жадными гидами как приклеенный...

Алекс сделал несколько глубоких вдохов и почувствовал раскаяние. Как могло случиться, что он довел свою девушку до слез? Он уже хотел развернуться, чтобы бежать в гостиницу, чтобы утешить Лельку, но заставил себя идти дальше. Мужчина он или нет, в конце концов? Другой бы на его месте, пожалуй, не только прикрикнул бы на подругу, но и... Алекс содрогнулся от мысли, что кто-то в состоянии поднять руку на женщину. Однако возвращаться он все же не стал, решив потренировать характер.

Городишко готовился встретить вечер. Идеально белые стены, камни для которых добывались в каком-то местном карьере, уже слегка порозовели, а воздух был не так горяч, как часом раньше, когда Лелька с Алексом приехали сюда на автобусе от аэродрома. Местные жители и туристы все разом оказались на улицах, чтобы разбрестись по ресторанчикам – и Алекс вместе с ними. Если бы Лелька не захандрила, они бы неплохо смотрелись в этой толпе. Богатая парочка из снежной России...

Посреди зимы Алекс поделился с отцом идеей ознакомиться с южноамериканским «рынком». Как обычно, отец ничего не возразил, только спросил с беззлобной усмешкой:

– Да какой там рынок? Кокаина, что ли?

На самом деле Алекс почувствовал, что маркетинг, а особенно учебники по нему, начинают его угнетать. Что плохого в том, чтобы прокатиться с подругой куда-нибудь в Южное полушарие, отдохнуть от московской вони и мерзкой химии на тротуарах?

Отец еще не потерял надежды увидеть Алексея в качестве сотрудника своей компании. Впрочем, сейчас он с куда большим желанием обхаживал младшего сына, пятнадцатилетнего Игоря, и нарадоваться не мог на его успехи в элитной экономической школе. Так или иначе, на следующий день золотая «виза» Алекса «потяжелела» на десять тысяч долларов.

После таких внезапных путешествий у Алекса почти всегда появлялись свежие идеи по поводу его призвания в жизни. Правда, спустя недолгий период увлечения новой отраслью человеческого знания он всегда возвращался к тому же, от чего ушел... Зато с новыми силами.

Взяв себя в руки, Алекс постарался выбросить из головы Москву и Лельку и зашагал в длинной тени придорожных деревьев. Под рубашку стал проскальзывать холодный воздух с гор, и он поежился. Надо бы нырнуть в какой-нибудь кабачок пошумнее и отвлечься. Чая из коки хлебнуть, пива... А потом наконец сходить за Лелькой и позвать ее, пока совсем не обиделась, на прогулку.

Улица уперлась в крошечную площадь, по всему периметру усеянную зазывными вывесками на испанском и английском. Была бы Лелька под рукой, быстро бы все перевела, все эти дос пассосы. Отовсюду летела местная и «этническая» музыка.

Внезапно рядом с Алексом возникла симпатичная девица в ярком индейском платье, с цветком за ухом, и стала что-то лопотать на испанском. А может, на кечуа, не разберешь.

– Ладно, пошли выпьем, – кивнул он. – Только без фокусов! И я не угощаю, понятно?

Девица как будто поняла его и повернулась, потом поманила пальцем за собой и повела в сторону ближайшего подвальчика. Никакого подвоха Алекс не опасался – во-первых, почти все деньги у него хранились на карте, а во-вторых, здоровьем его бог не обидел, и в случае чего он мог легко накостылять какому-нибудь настырному индейцу. Да какие тут грабители, в этом сонном туристическом царстве? В этакой дыре приезжие останавливаются в лучшем случае на ночь, чтобы утром свалить в Куско или еще куда.

Они спустились по щербатым ступенькам на пару метров и оказались ниже тротуара. Когда Алекс вошел вслед за провожатой в узкий, словно глаз китайца, и низкий коридор, он подумал, что не стоило соглашаться идти за первой же встречной индианкой. Мало ли что у нее на уме. А вдруг это проститутка? Он уже собрался незаметно отступить, как девица словно услышала его мысли и ухватила за рукав. И добавила что-то убедительное и непонятное, да так искренне, что Алекс решил пока задержаться.

– Чего тебе? – спросил он. – Это кафешка или что? Где стойка и бармен? Ты куда меня затащила?

Но девушка молча потянула его за собой.

Алекс быстро понял, что угодил не совсем туда, куда ожидал, – слишком уж мрачным и темным был ход. Ни тебе постеров по стенам, ни яркого света, ни музыки со стороны зала. Хотя нет, музыка была, но только совсем непривычная, дикая, что ли. Аранжировка явно хромала, а инструменты порой фальшивили.

Тем не менее Алекс догадался, что пришел не на стрелку с преступниками и не в наркопритон, а на некое местное таинство, и даже обрадовался. Будет о чем вспомнить в Москве – принял, мол, участие в редкостном и запрещенном ритуале. Натурально погрузился во времена инков, словом.

Он смело вошел в низкое помещение, неожиданно ярко освещенное. Но не нормальными лампами, а факелами. От них воняло так, что в глазах у Алекса моментально защипало, отчего ему не сразу удалось разглядеть, куда он, собственно, попал.

А посмотреть было на что. По стенам в изобилии висели причудливые глиняные физиономии, смахивающие на посмертные маски цирковых уродцев. Между ними свисали вязаные «вымпелы», изображавшие стилизованных животных – пуму, кондора, змею и тому подобных. Любопытным оказался и контингент посетителей. Все они в свободных позах развалились кто где сумел. Непонятно было, то ли это туристы, то ли местные жители. В сознании, похоже, находился только один. Он покачивался, сидя на циновке, и что-то мычал с пустыми глазами, в которых отблескивало пламя факела. Так что «сознание» его, пожалуй, было относительным.

В углу пристроился музыкант. Именно он извлекал из флейты, или что там у него было, те самые заунывные звуки. Здесь от них почему-то становилось жутковато.

Но сильнее всего Алекса поразила ужасного вида старуха, очевидно заправлявшая всем этим «таинством». Она склонилась над пузатым котелком, подвешенным над открытым огнем в центре подвального, и чуть не погрузила в его содержимое длинный, словно у Буратино, нос. На нового гостя она не обратила внимания.

– Эй, что тут происходит? – насупился Алекс. – Где бар и чича?

Его провожатая бросила невнятное слово, силком усадила новичка на свободный коврик с вышитой на нем страшной рожей и упорхнула к старухе. Та подняла голову от котелка, и Алекс чуть не вскочил, чтобы метнуться к выходу. Однако ноги отказались его слушаться. «Баба-яга!» – мелькнула у него мысль. К счастью, котел у нее выглядел не таким крупным, чтобы вместить человека, да и печи с противнем тут не имелось.

Физиономию «яги» покрывали бурые струпья или бородавки, а кожа ее была так морщиниста, что в складках наверняка слежалась вековая пыль. Она прошамкала что-то почти беззвучно. Девушка кивнула и принесла от стены пару поленьев и пустую чашу. Дровесина полетела в огонь, вспыхнувшее пламя сделало морщины бабки еще резче. Она взяла чашу и зачерпнула из котелка, протянула помощнице и уставилась на Алекса из-под лохматых седых бровей.

– Лучше пива, – услышал он чьи-то слова и вздрогнул. Казалось, это выступил музыкант, на минуту прекративший выдувать из флейты унылые звуки.

– Почем мне знать? Эй, а ты откуда по-русски знаешь?

– Я по-всякому знаю.

Алекс внезапно понял, что губы у этого закопченного парня не шевелятся, и потряс головой. «Ну ни фигя себе! Мыслями он обменивается, что ли? Бред, ей-богу». Алекс огляделся еще раз, мечтая прийти в себя, чтобы подняться и поскорее покинуть странный подвал.

Тут один из лежавших посетителей зашевелился, привстал с обалделым видом и заулыбался от уха до уха.

– Cool! – объявил он и поднял большой палец. – Very well.

Эти слова были Алексу знакомы, и он слегка успокоился. Если бы тут приканчивали отравой, то вряд ли мертвец восстал бы потом с циновки с подобным заявлением. Между тем молодая хозяйка «притона» уже встала рядом с ним на колени и протягивала полную чашу черного напитка.

– Yet another! – заголосил англоязычный гражданин. – Please...

Он подобрался поближе и уже тянул к Алексовой дозе жадные пальцы, однако внезапно сдунул, будто его окатили ведром колодезной воды. Затем он торопливо отсклонявил десять долларов и на цыпочках выскочил из подвала. «Что ж, недорого за бокал... чего? Наверное, темное пиво с кокой», – решил Алекс.

Метаморфоза, случившаяся с настырным посетителем, в другое время озадачила бы его, но сейчас внимание гостя было занято другим.

Он уже догадался, что тут угощали каким-то психоделиком и видения от него возникали не ужасные, судя по реакции американца, а вполне приятные. Такое было редкостью, и Алекс обрадовался вторично. Все это начинало походить на отменное приключение, которым не стыдно будет похвастаться перед Лелькой и друзьями-подругами. Это гораздо круче, чем мухоморы на подмосковной даче жевать. Жалко, Лельки нет, она с момента приезда в Перу мечтала попробовать настоящую коку, словно индианка.

Алекс вдруг понял, что помощница страшной старухи уже с минуту пытается всучить ему полную чашу напитка и талдычит одно и то же непонятное слово.

– Почему это ты меня выбрала? – насторожился он. – Я что, особенный?

– Ты еще можешь вернуться к себе, – сказал тот же голос, и гость уставился на музыканта. Индеец с закрытыми глазами выдувал руладу из своей дырявой трубки.

– А я не в себе, что ли? – обиделся он, однако напиток принял. – Да, ты прав, дружище, – я торчу в вашем темном подвале, слышу чужие голоса в башке и собираюсь выпить неизвестно что. Само собой, я просто свихнулся.

Никто ему не возразил. Видимо, уже в самом воздухе этого заведения содержался какой-то легкий наркотик, от которого и возникли слуховые галлюцинации... Хотя Алексу еще не приходилось о таком слышать.

Он покачал напиток в руке. Поверхность черной и вязкой жидкости как будто отливала маслом, в ней плясал крошечный огонек факела. Выдохнув, Алекс сунул в экзотический напиток язык. Вкус оказался одновременно сладким и горьким, как у засахаренной рябины, но с примесью старой известки. Причем температура жидкости была не высокой и не низкой – она совпадала с температурой языка.

– Фу, какая гадость, – пробормотал Алекс и хотел отставить посуду в сторону.

Пить в одиночку неведомо что, рискуя оказаться в положении давешнего американца, ему не хотелось. Однако рука его против воли вернула чашу ко рту. Алексу вдруг почудилось, что он попал в пустыню и не пил уже сутки, и организм его буквально изнемог от жажды. Непреодолимый внутренний импульс вынудил его сделать порядочный глоток.

Алексу показалось, что он долго шел по раскаленным пескам и наконец-то добрался до вожденного оазиса. Отказаться от того, чтобы выпить всю чашу целиком, никакой воли бы не хватило, и Алекс опустошил ее в несколько глотков. И жажда мгновенно пропала, как не было.

– Ну и ну, – с удивлением сказал он улыбающейся девице.

Уже к концу этой короткой фразы Алекс почувствовал, как немеют губы, и последний слог дался ему с трудом. Он собрался возмутиться коварством индианки, как вдруг веки упали на глаза под собственным весом. К горлу подступила тошнота, но Алексу удалось подавить ее, сглотнув и сделав глубокий вдох.

В глазах полыхнуло красное пламя, и тотчас под Алексом возникла твердая почва – он перестал качаться на волнах и ощутил лицом влажный песок, омытый прибоем. Стало так хорошо, что он рассмеялся от счастья. В ушах разлилась музыка целого сонма флейт, запели чистые детские голоса. Они походили на многоцветный шелк и летучих рыб, вереницей взмывших над волнами.

Часть I. Дневная звезда

Город практически замер, только редкие собаки еще не спали, порой оглашая узкие улочки лаем, да блеяли в ответ ламы.

Человек в широкополом черном плаще с красными поперечными полосами незамеченным обошел двух полусонных воинов, что патрулировали выход из центральной части Тайпикала, и углубился в вязь улиц, причудливыми змеями спускавшихся к реке. Факелы тут были редки и почти прогорели, идти приходилось почти на ощупь.

Но человек в одежде жреца обладал отличным зрением, к тому же улицы города – как-никак столица государства – отличались чистотой и ровностью. Навозные лепешки, стоило тем лишь только появиться на брусчатке, моментально подбирались погонщиками животных. Чем же еще растопить очаг? А за выплескивание помоев за порог дома жестоко наказывали, вплоть до принесения в жертву.

Никто не видел ночного прохожего. Если же и замечали в окошко его бесформенную из-за плаща фигуру – замирали в ужасе и возносили хвалу богам. Кому какое дело до спешащего по своим загадочным делам жреца, посвященного в тайны мироздания? Лишь бы не очутиться в эту недобрую шестницу у него на пути...

Наконец жрец замедлил шаг и остановился в тени прибрежного дома для приезжих купцов, большого и нелепого. Там сейчас было не слишкомлюдно. В загоне блеяло с десятков лам – караван пришел сушей, а не прибыл на плотах. Во дворе то и дело раздавались голоса пьяных торговцев, их рабов и девушек из obsługi – несмотря на позднее время, торговые люди отдыхали от праведных дневных трудов. Им нет нужды поутру идти на поля или в казармы.

Человек проскользнул к загону для скота и притаился за поильней. Одно из животных прянуло в сторону, испуганное появлением чужака, но привязь не дала ему всполошить остальных.

Со стороны помойной ямы воняло испражнениями, но жрец не замечал – его внимание целиком было поглощено освещенным входом в уютный дом в тридцати локтях от его засадного места. Наконец дверь распахнулась, и показались две служанки. Со смехом они припустили в сторону жреца, и рука у того дернулась в нетерпении, но он заставил себя замереть и сохранить молчание.

Две жертвы сразу, да еще женщины... Слишком шумно и опасно, особенно рядом с уютным домом. Купцы – народ бесстрашный, того и гляди выскочат на крики с мечами и примутся рыскать по округе, призывая солдат вожда.

Поэтому жрец позволил служанкам свободно посетить отхожее место и вернуться в дом. Долго ждать ему не пришлось. Вскоре показался полупьяный мужчина, судя по дорожной одежде – раб купца. Распевая какую-то западную песню, сумбурную и глупую, он, держась за стену, двинулся в сторону жреца.

Тот бесшумно вздохнул и отцепил от пояса ритуальный клинок. Насколько же редкими стали такие сладкие мгновения! Как тяжела и неправильна стала в последние годы жизнь, что приходится совершать положенное тайно, а не на глазах восторженной толпы!

Жертва, не ведая о том, что ей предстоит сейчас исполнить свой долг перед народом и умиловить жестоких богов, приближалась на нетвердых ногах. Когда до нее оставалось едва ли три шага, жрец стремительно вылетел из-за укрытия и отточенным движением вонзил клинок в горло пьяного. То-то будет потеха богам, когда вместе с горячей кровью они получат и толику хмельного напитка!

Хрипя, жертва стала заваливаться на спину, но убийца не позволил ей этого. Ускользнув от хлещущей из горла крови, он схватил жертву за плечо и сальные волосы и крутящим дви-

жением развернул к себе спиной. И лишь затем позволил телу всей тяжестью обрушиться на солому.

Тревожно заблеяли ламы – они почуяли запах крови и стали рваться с привязей.

Жрец вздрогнул и приготовился скрыться в темноте, если кто-то вздумает проверить, что так испугало глупых животных. Мысленно он послал на головы тупых тварей проклятие, заодно укорив за неосторожность себя самого. Не стоило учинять засаду в таком месте! Но в приютном доме продолжалось веселье, играл заезжий музыкант и оглушительно смеялись служанки. Шума никто не услышал, и жрец отер со лба внезапно выступивший пот.

Раб дернулся в последний раз, булькнул распоротым горлом и замер. Это было некстати, но ритуал прекращать нельзя было ни в коем случае. Морщась от запаха перегара и крови, жрец вонзил клинок в грудь мертвеца и сделал длинный надрез, освобождая ребра с левой стороны груди.

Великие боги! Примите эту жертву!

Вытянув руки в сторону звезд, жрец сдал горячее человеческое сердце пальцами, имитируя его последнее содрогание. Боги так далеки, что не заметят подобной мелочи. Человек до рези в глазах вгляделся в равнодушное черное небо, истово мечтая увидеть хотя бы проблеск внимания к еще теплой крови.

И он увидел!

Сияющий глаз бога медленно прочертил небосвод, подмигнув жрецу два раза! Тот едва не захохотал от восторга и счастья, но подавил естественный порыв и преклонил колена, возвращая сердце на место. Наконец-то боги приняли дар!

Кетук плеснул на ладонь ледяной воды из кувшина и протер лицо. Вода пахла глиной и нисколько не освежила – будто в разгар дня окунулся в поильню для лам.

Отец, конечно, уже ушел. Скоро праздник, и есть возможность обменять хоть на один резной булыжник больше, если прийти на рынок раньше других резчиков по камню и занять выгодное место. А может, он решил доделать каменного солдата, которого вырубал по заказу распорядителя. Даже скорее всего, потому что торчать на рынке и зазывать менял было не в отцовском характере.

От очага, сложенного в хозяйственном углу, тянуло вонючим дымом сушеного навоза. Мать склонилась над слабым огнем и подбрасывала в него топливо, которое разминала кривыми коричневыми пальцами. Одна из сестер толкла в котелке стильную маисовую кашу, оставшуюся после вчерашнего ужина. Младшие дети возились на шкурах ламы, сальных и протертых во многих местах. К утру те свалялись и больше походили не на лежак, а на кучу хлама. Внутри нее попискивал младший мальчишка.

Кетук как старший сын и воин на службе у сапаны спал отдельно.

А дров-то осталось совсем мало, даром на помет перешли... Может, отцу сегодня повезет и он сможет обменять свои фигурки на что-то стоящее: маниок или новую посуду взамен разбившейся, например. Вот как недавно, когда он смог раздобыть тощую курицу и мешочек соли.

– Я не сказал, – проговорил Кетук. – Завтра в поход выступаем.

– Куда? – опешила мать.

Она и остальные дети, братья и сестры Кетука, разом перестали приводить себя в порядок и уставились на него. А старший после Кетука парень дурашливо вытянул руки с невидимым копьем и стал толкать сестру, всего на год младше него. Та завизжала и плеснула в мальчишку водой из ладошек.

– За перевал, – сказал Кетук. – В лес.

– И то дело. А то работать скоро некому будет.

Кетук был согласен с ее мнением, как обычно. Мать прожила на свете в два раза больше него и отлично знает, как хорошо трудятся на полях рабы. Потом-то, конечно, часть из них мрет от плетей и недоедания, но случается это нечасто... А через год можно и снова набег совершить.

– Жениться бы тебе, – вздохнула мать. – Гляди, отнимут у тебя Арику.

И это тоже было правдой. Вернее, Кетук опасался того же, что и старая женщина. Вот было бы ему двадцать лет! Так нет же, еще целый год нужно терпеть. Когда родители Кетука и Арики десять лет назад сговорились о будущей свадьбе своих детей, никто и предположить не мог, какой красавицей станет Арика. Сейчас ей всего шестнадцать, а ни один покупатель не может пройти мимо нее спокойно, с закрытым ртом. Арика даже старалась ходить в рваной одежде и мазала личико сажей из очага, да все напрасно, молву не остановишь.

А главное – Кетук знал, что многие девушки сами стремятся обратить на себя внимание знати. Как еще выбиться из нищеты? Если повезет, возьмут в семью сановника младшей женой, научат ткать и готовить роскошные блюда. Или устроят в храм, чтобы совершать каждодневные ритуалы. А тут уже все в руках богов, которым куда ближе дворцы возле вершины, чем крошечные домики у подножия, склеенные друг с дружкой, как маисовые зерна в котелке. Будут боги милостивы – заметит тебя сапана и возьмет к себе в чертоги любимой наложницей...

Нередко Кетук слышал за спиной подобные пересуды. И столько же раз хотел поговорить с невестой наедине и убедить ее позаботиться о себе. Но вдвоем их не оставляли. К тому же Арика всегда так смотрела на жениха, что язык у него отнимался. Доведись ему остаться с девушкой наедине, ничего бы она так и не услышала – так и просидел бы напротив нее Кетук безъязыким камнем.

– Он их копьём проткнет! – радостно сказал один из ребят и тут же изобразил, как это надо делать.

– Как бы его самого не проткнули... Ну хоть голов принесешь, все богам будет что показать.

Кетук поморщился, словно маис в плошке перед ним был несвежим. Ему нисколько не нравилось, что воины, вернувшиеся из похода, развешивают под крышей своего дома головы убитых врагов. Мало того что они воняют и привлекают множество мух, пока не высохнут. Так ведь еще все знают, как эти головы добываются! Кто побогаче и успел награть побольше, потом покупает их у соратников. Вот и получается, что самые доблестные, пожалуй, меньше всех имеют трофеев. Настоящее мастерство только во время мирного состязания и можно доказать – и Кетук очень серьезно готовился к нему. И не зря, вот в походе и проверит, чему успел научиться.

– Так ты чего в казарму-то не торопишься? – всполошилась мать.

– Иду, иду! – Кетук запил кашу холодной водой и поднялся.

Как обычно, поверх холщовой рубахи, в которой он и спал, Кетук надел свой воинский плащ до колен, расшитый сестрами по всем канонам. Морда пумы смотрелась на нем как живая, а при ходьбе она словно скалила огромные клыки. В таком плаще никакой чиновник не остановит солдата и не спросит, почему он шатается по улицам, а не работает вместе с семьей на общинном поле.

Кетук пригнулся в дверях и вышел на узкую улочку. Худая лама соседа, привязанная к каменному пальцу, повернулась к юноше и фыркнула.

После того как год назад Кетуку повезло поступить в солдаты и он стал бывать в квартале сановников, его собственное жилье казалось ему отвратительным. Не нравился низкий тесный дом под кукурузной соломой, его слепые корявые стены и облезлые собаки, давно уже забывшие, кто их хозяин. Все здесь его раздражало – наглые ламы и беззаботные рабы, не обязанные содержать семью, вороватые собаки и глупые куры, визгливые дети и вредные старухи. А особенно не нравилась ему вонь от желоба для нечистот, куда сливали ночные горшки все пять

семей, принадлежащих к его общине. Кетуку казалось, что эта вонь прилипла к нему с самого рождения и не отстанет уже никогда.

Туман, что скопился в низине, над рекой, еще не успел рассеяться и наполнял воздух ледяной сыростью. Горы с противоположной от бога Солнца стороны были глубоко синими, будто окунувшимися в стылую воду, даже белые макушки у них отливали синевой.

Кетук повернулся к ним спиной и зашагал по улочке вокруг горы, на склоне которой притулилась столица государства аймара, Тайпикала. Навстречу ему то и дело попадались крестьяне с мотыгами и палками. Они шли, разумеется, в другую сторону – к узким террасам, опоясавшим склон. Приближается время сбора кукурузы и маниока, каждый нынешний день будет кормить весь город, когда наступит сезон дождей.

Молодой воин повернул вверх, к застроенному хорошими каменными домами участку города. В прошлом году здесь случился оползень, и часть горы съехала вниз, похоронив под собой десяток крестьянских домишек. Зато крыши знати стали казаться еще выше, почти вровень с облаками – особенно когда бог Солнце пляшет по золотым волокнам, вплетенным в солому, голыми пятками.

Землю после обвала собрали и насыпали из нее несколько новых участков для маиса, а валуны размельчили и добавили к стене со стороны леса. Пара мягких камней досталась и Акучо – отцу Кетука.

Вообще-то Акучо повезло, что он родился в семье резчика по камню и сам стал резчиком. Когда работаешь с камнем, придавая ему резцом нужную форму или выдалбливая прекрасный рисунок, общаешься с самими богами... А в обычной жизни не обязан подчиняться общине и многочисленным правилам, пеленающим крестьян и солдат по рукам и ногам. Зато и довольствие твое целиком зависит от чиновника или жреца. Попадется тебе привередливый ценитель прекрасного, и по десять раз будешь переделывать одно и то же украшение для здания или храма, сбивая в кровь руки. А плата за результат одна...

И никакой надежды самому пробиться в чиновники.

– Кетук!

Юноша вздрогнул и оглянулся. Неужели его узнал один из старейшин и хочет спросить о причинах безделья? Но нет, его догонял запыхавшийся товарищ, такой же солдат. Звали его Синчи. В отличие от Кетука он был настоящим наследственным воином – его отец года два назад погиб во время похода на восток, в страну священных пум и змей. Синчи несколько месяцев назад женился и построил себе закуток рядом с родительским домом, где и проживал сейчас с беременной женой. Кетук помогал ему собирать камни для стен, покрывать их глиной и плести плотную крышу из промазанной глиной же травы.

– Вот, заметил тебя и решил присоединиться, – сказал Синчи, и они зашагали рядом. – На рынок идешь?

– Да, собираюсь проведать отца.

– Что ж, заглянем к нему вдвоем, – легко согласился Синчи. – Только ненадолго, чтобы не пропустить сбор в казарме.

Он еще в прошлом году, когда Кетук только нанялся в войско простым копьеносцем, стал помогать новобранцу с усвоением воинской премудрости. Правда, сразу же признался, что ему приказал сотник. Синчи был гораздо более умелым и физически развитым воином, хотя Кетук тоже даром время не терял, когда ворочал валуны с отцом. Но вся сила Кетука была бестолковой, потому что он не умел как следует приложить ее, тратя на лишние движения. Правда, с тех пор родился не один месяц, и сейчас товарищи уже почти сравнялись в воинских умениях.

– Сегодня же не должно быть сбора! – возразил Кетук.

– Пользуйся каждой возможностью покидать копье и поработать с пращей, – наставительно отозвался друг. – Ты ведь не хочешь погибнуть в первой же схватке с врагами.

– Лесные дикари, – фыркнул молодой солдат.

Он слишком долго тренировался с копьем и кинжалом, бегал с товарищами по крутым тропам и купался в ледяной воде. Теперь он мог не опасаться жителей леса, способных победить лишь обезьяну и такого же, как они сами, получеловека.

– Не могу поверить, что увижу пуму, – вырвалось у Кетука.

– Мне отец рассказывал о них, – похвастался Синчи. – Наши-то совсем не страшные! – Он ткнул пальцем в нарисованную на плаще морду животного. – А пума как заревет ночью – сердце выпрыгивает!

– Это же бог, – рассудительно кивнул Кетук.

– Только ты его не увидишь... Иначе смерть. Кто увидел пуму – считай мертвец.

В этом Кетук сомневался, но промолчал. Пусть жрецы говорят, что увидеть живого бога невозможно. Почему в таком случае кому-то удалось узнать, как именно выглядит бог-животное, и рассказать об этом? И почему люди могут видеть Солнце, хотя это тоже бог?

Дорога стала круто забирать вверх, по обе стороны от нее появились высокие стены из плоских камней, с деревянными калитками – за ними дома знати. Скоро солдаты вышли на самое большое и открытое место в Тайпикала, вплотную примыкавшее к пирамиде Солнца. Тут уже было гораздо оживленнее, чем на крестьянских улицах. Повсюду бродили в поисках пищи бездомные псы, расхаживали важные чиновники и прочие приближенные к власти люди. Мастера различных искусств – по выделке ткани и шкур, по шерсти и камню и самые важные и почитаемые – по золоту, занимали вокруг рыночной площади рабочие домики и прилавки. Все помещения тут были немного утоплены в грунт, чтобы быть зримо ниже первого уровня священной пирамиды, а стены домов выложены резными плитками.

Кетук и Синчи прошли мимо посуды, ненадолго задержавшись возле нового ряда изделий с еще не поблекшими рисунками на округлых боках. Особенно им понравилась пума с семью хвостами, в орнаменте из листьев коки. Следом за лавкой посудного мастера расположились ряды резчиков по кости, вязальщиков шерсти и ткачей. Затем еще один посудный ряд – тут юноши расхотались, вызвав смущение некрасивой девушки, которая обменивала кувшины, горшки и прочие предметы из глины. Еще бы, ведь мастер нанес на некоторые свои изделия любовные сценки. Но мужественные солдаты больше обратили внимание на вазу, похожую формой на голову одноглазого воина.

– Отличная штука! – заметил Синчи и покачал вазу пальцем.

– А ты глянь, что у нее на другой стороне. – Кетук осторожно повернул тяжелое изделие. На «затылке» у глиняного воина было вылеплено морщинистое, жуткое лицо клыкастого бога со змеями вместо волос.

– Да уж, такая для всякого сгодится...

– Эту не меняю, – насмешливо сказала девушка. – Да у вас и нет ничего, сразу видно.

– А эта? – Синчи показал пальцем на кувшин с переплетенными телами, а локтем другой руки толкнул Кетука и подмигнул ему.

– Вам бы все смеяться! Шагали бы лучше в казарму, и куда только ваш сотник глядит. – И девушка отвернулась.

Вереница лам с мычанием пронесла мимо несколько мешков с маисовым зерном. Охраняли их такие же солдаты, как и Синчи с Кетуком, некоторые узнали товарищей и приветствовали их. Многие скорчили завистливые физиономии. Понятно, отправиться в настоящий поход за рабами куда почетнее, чем сопровождать жрецов и грузы или торчать возле ворот в храмы и чиновные дома.

Порыв ветра принес едкий запах горящих стеблей киноа и костей. В десятке шагов дальше находилась мастерская по изготовлению извести, и рядом с ней уже толклись молодые чиновники в красных плащах. Видимо, начальство отправило их за известковыми шариками, без которых кока совсем не так хороша.

Солдаты свернули в короткий тупик в нескольких шагах от первого ряда плоских валунов, служивших основанием храма Солнца, и спустились по короткой каменной лесенке в крошечную мастерскую Акучо.

В воздухе здесь висела сухая пыль. По углам и вдоль ближней стены в беспорядке лежали массивные камни, в основном плохие и потрескавшиеся. Только два-три были хороши, особенно белый, в рост человека. Акучо удалось выпросить его у распорядителя храмовых работ для исполнения особого заказа – а какого именно, чиновник пока не решил.

Сам мастер трудился над черным камнем, по всему видно, чрезвычайно твердым, поскольку работа продвигалась медленно. И тонкой ее тоже назвать было нельзя, все из-за той же твердости материала, почти равной твердости самого инструмента. Куски отскакивали от изваяния, когда и как хотели.

Уже сейчас было понятно, что Акучо задумал изготовить воина с головой пумы – можно было распознать ее свирепый оскал. На макушке воина сидел высокий шлем.

– Доброе утро, мастер, – громко сказал Синчи, перекивая стук каменного зубила и бывшего по нему плоского тяжелого окатыша. Кетук тоже поздоровался, скинул плащ и повесил его на крюк.

– А, Синчи!

Кетук заметил, что отец уже устал, несмотря на довольно раннее утро, – инструменты почти выпали у него из рук. Лицо его покрывала грязновато-серая пыль, она набилась в морщины и стекала вместе с потом извилистыми дорожками.

Акучо был одет в свою обычную рабочую накидку, протершуюся на локтях, и в ней-то уж пыли скопилось столько, что хватило бы слепить из нее чашку.

– Если бы ты помогал мне, Кетук...

– Сколько можно перемывать старый песок, отец? Я уже выбрал свою дорогу и назад не поверну и не пожалею.

– Даже если тебя убьют в сражении? – запальчиво спросил старый мастер.

Уже произнеся эти слова, он понял, что сказал нелепость. Все трое рассмеялись, погасив минутное напряжение. Уже не раз подобные разговоры происходили между Акучо и Кетуком, особенно же бурно они спорили в первые дни после того, как юноша объявил о решении поступить в войско и отказался от перспективы стать мастером по камню. Возможно, будь отец поудачливее в своем ремесле, все сложилось бы иначе...

В любом случае всю жизнь вдыхать пыль и отбивать руки об инструмент представлялось Кетуку невероятно скучным. А на воинской службе у него появлялся шанс добиться чего-то иного – может быть, даже стать когда-нибудь сотником и поселиться в квартале знати.

– А что это? – поинтересовался Синчи и положил ладонь на шлем будущей скульптуре.

– Осторожно! – воскликнул мастер и кинулся проверять прочность деревянных подпорок, что поддерживали изваяние в нужном положении. – Не приведи боги, упадет и расколется, тогда-то уж точно не видать мне храмовых заказов. Буду ваять погребальные статуэтки до конца дней... Это мое лучшее произведение!

– Да что ты говоришь?

– Да, этого солдата поставят на краю пирамиды вместе с другими, чтобы охранял покой старых правителей. Самое сложное еще впереди! Одежду вырубить, пояс, жезл и семь штук черепов... Да тут не на один месяц работы!

Кетук уже давно знал все подробности замысла. Такие же точно изваяния сейчас вырубали еще два мастера по камню, но им помогали старшие дети, которым предстояло научиться у отцов всем тонкостям мастерства.

– Я опять поговорю с сотником, – сказал он. – Тебе должны придать в помощь кого-нибудь из старших детей.

– Сколько раз ты уже с ним толковал, – проворчал Акучо. – А гора так и не сдвинулась. Пока к распорядителю работ не попадешь, ничего не получится. И еще за ребят просить вздумал – да разве же разрешат им в сезон от поля отойти?

– Я не сейчас буду просить, – смутился юноша. – Мы завтра в поход выступаем.

Отец опешил, а потом только махнул устало рукой. Кетук отвернулся к полкам с готовыми вещами, когда-то изготовленными отцом в свободные от заказов часы. Тут были сланцевые диски с удивительно тонкой гравировкой, изображавшей неведомых животных, и полированные плоские зеркальца, и даже несколько «ненавидимых» им погребальных человеческих фигурок. Они были так необычны, что никто не захотел обменивать их на зерно или что-то другое. Может быть, поэтому Акучо и забросил самое простое и прибыльное в ремесле мастера по камню – вырезание таких фигурок из мягкого камня – и ввязался в подряды для оформления храмов. А ведь мог бы жить вполне беззаботно и вытащить из крестьянской рутины старшую дочь! Каждый день в храме Смерти сжигают множество покойников, и душе каждого нужно незамысловатое вместилище в виде фигурки.

Что ж, раз уж они пришли и есть немного времени, можно и помочь старому мастеру поработать над второстепенными кусками его изваяния.

– Вы уже слышали? – встрепнулся Акучо.

– Что случилось?

– Опять ночной демон на охоту выходил, – понизив голос, поделился свежим слухом мастер. – Возле приютного дома слугу купца зарезал, ночью. Еще теплого нашли, с вырванным сердцем...

Кулаки у солдат сжались от гнева и бессилия. Уже не в первый раз бесчинствует по ночам демон, и не раз уже десятник наставлял своих воинов быть особо внимательными во время ночного бдения, на страже покоя горожан.

Некоторые вполголоса говорят, что убийства вершит кто-то из жрецов и этого злодея нужно скорее изловить и предать суду. Но что-то не верится. Не может быть, чтобы человек изображал демона, не страшась смерти. Значит, это все-таки злой дух из подземного царства берет свою дань!

– А вдруг это не демон, а человек? – в сомнении проговорил Кетук.

– Откуда ты знаешь? – снисходительно отозвался отец. – Рабы наболтали? Народ не обманешь, сынок! Разве под силу человеку сотворить такое? Всю кровь выпил, вместо желудка дыра! И ламы в загоне как замороженные стояли, ни одна голос не подала – не иначе демон их околдовал.

– Кто видел труп? – спросил Синчи.

– Да уж видели.

Кетук только рукой махнул. Если уж по рынку слух пролетел, словно пожар в сухом лесу, теперь бесполезно кого-либо переубеждать. Даже если была в том нужда или приказ. И не дело это простого солдата, пусть жрецы отдуваются за поступки своего собрата или обозленного демона.

В душе он был на стороне отца – в самом деле, слишком уж редко стали приносить в жертву рабов, а когда в последний раз даровали богам ребенка, о том старикам одним ведомо. Неудивительно, что темные силы поднялись из земных глубин и пользуются безнаказанностью.

С другой стороны, как-то же можно умиловить богов подземного царства, если небесные жители и сам бог Солнца словно забыли о людях?

Утренняя суeta в городе, что лежал под взглядом верховного жреца и первого наставника Аталая, быстро сошла на нет. Бог Солнце целиком появился над склоном горы на востоке, а его рабы уже носили воду в кувшинах и выпалывали сорняки на самых неудачных делянках. Другие, где маис взошел в полный рост, уже пора было освобождать от урожая – кто-то обламывал

початки, кто-то выкорчевывал растения, уже ненужные людям, с помощью острых палок. Но ламам эти зеленые «пустышки» вполне могли пригодиться.

Слабые женщины срезали со стеблей и срывали с початков сочные листья и волокна, чтобы слуги богатых чиновников отнесли мешки с этой «ботвой» в загоны со скотом. Сами стебли женщины рубили на куски, запасая материал для будущих глиняных построек, а бесполезные лохматые корни складывали в кучи – из них выйдет отменная зола для удобрения почвы.

Не только крестьяне трудились сейчас для пропитания народа аймара и его правителей. Если приглядеться, можно было увидеть далеко внизу, где река разливалась в небольшое озерцо, рыбаков. А охотники, промышляющие дикими ламами и другим более мелким зверьем гор, ушли по делам еще затемно. Не говоря уж о пастухах, опекающих стада альпака, – те и вовсе живут вдали от Тайпикала.

Чиновники, чьи аккуратные домики густо облепили прекрасный древний дворец сапаны и его родственники, гонцы, плетельщики писем и донесений, младшие жрецы и храмовые девушки, плавильщики металлов и строители, солдаты и уборщики улиц... Велика и многолюдна столица аймара, и все ее жители встретили новый день трудами и мыслями о процветании своего народа.

Но земля и скудость ее плодов тревожили Аталая куда больше, чем все остальное, даже строптивый нрав молодого сапаны. Как ни поднимай воду к террасам, сколько их ни поливай, с каждым годом зерна запасается все меньше и меньше. Как будто богиня Земля устала кормить своих детей и забыла о них, а живительные соки в ее чреве бегут уже совсем не так резво, как в дни сотворения мира. Аталая даже пришла в голову дикая мысль, что бесконечный полив вымывает из земли что-то важное, без чего маис родится слабым, и это невидимое «что-то» попросту стекает обратно в реку и уплывает к далекому океану на западе.

Нет, недаром задуман и почти воплощен им в жизнь план очередного набега на дикие племена за перевалом. Новые рабы совсем не помешают – напротив, именно они расчистят от несъедобной травы новые склоны холмов, соорудят новые террасы-поля и засеют их зерном. Подсказанный звездами план, как это всегда происходило с замыслами Аталая, принудил двигаться множество людей.

И грядущий праздник весеннего равноденствия, когда воины уже вернутся с живой силой, даст хозяйству еще один толчок. Ведь именно тогда богам будет принесена благодарственная жертва, заодно должная напомнить им, что всего через несколько месяцев придет весна. И слегка сморщенные зерна маиса, пророщенные во влажных и прохладных подземельях, нужно будет внести в распаренную талым снегом и Солнцем землю. Людям не следует забывать, что живут они лишь милостью Творца, слепившего их когда-то из кукурузной муки, – так же как и весь мир, игрушку непостижимых космических сущностей.

Да не оставит богиня Земля своих детей без ласки и снисхождения, да будет милостив и не хмурится бог Солнце, прикрывая слепящее око тучами-веками!

Произнеся мысленно эти слова, Аталай бросил последний взгляд на шумную площадь у подножия пирамиды и отправился по узкой и крутой лестнице в глубину строения. С собой он прихватил факел, который воткнул в кольцо, как только поднялся на площадку. Еще несколько лет назад он ходил тут без всякого освещения, на память, но теперь ноги у него уже не те и порой дают слабинку, когда под ступнями оказываются выбоины старых ступеней.

– Уже уходишь, Аталай? – услышал верховный жрец.

Он как раз остановился передохнуть на узкой площадке перед входом в звездную комнату. Отсюда было не очень удобно следить за ночными светилами, но зато копии многих самых нужных в работе документов – рисунки созвездий и поясняющие их схемы, начертанные на глиняных табличках еще первыми жрецами, – находились именно здесь.

– Ило! Так и провел тут всю ночь?

Аталаю нравился этот молодой жрец, всего два месяца назад допущенный в звездную комнату. Сейчас он сидел в светлом пятне каменной трубы, пробитой к западной стене пирамиды под крутым углом, и рассматривал крупную табличку с какими-то петроглифами. Рядом с ним на полу лежала золотая наблюдательная труба, в которой отблескивала обсидиановая линза.

– Нет, – смутился Ило. – Я почти все время простоял наверху, и еще...

– Проспал полшестицы?

– Прости, господин.

– Можешь наконец отдохнуть. Молодой сапана Кумари не приходил? Я так и думал.

Вдаваться в подробности Аталай не стал. Не дело это мальчишки – вникать в детали государственного управления, пусть разбирает старые петроглифы, учится предсказывать погоду или определять сроки жертвоприношений. Не нужно в деталях знать это и наследнику правителя, на то есть жрецы. Не обязан он соперничать с Творцом мира, знающим небеса как свою ладонь, кто еще в начале времен измерил самую землю и пересчитал все звезды.

Но не владеющий хотя бы частью такого знания сапана не может стать полноправным сыном бога Солнца, и вот это уже посерьезней.

– Я помогу тебе нести факел, Аталай, – вежливо предложил Ило и встал.

Он пошел первым, держа источник света высоко над головой. Долгие пятьсот ступеней к подземным переходам наконец закончились.

– Придешь сегодня вечером на ужин? – спросил Аталай.

– Майта обо мне спрашивала? – вскинулся помощник.

Наверху и по бокам остались многочисленные галереи и пустоты, оставленные древними строителями пирамиды внутри ее каменного тела. Многие из них были заполнены золотыми украшениями, прекрасной керамикой, деревянными и ткаными изделиями, почти не подверженными тлению. Если бы эти великолепные предметы могли хоть немного повысить урожай, цены бы им не было.

– Конечно, спрашивала, – кивнул верховный жрец.

Жаль, что его дочь проявляла к Ило лишь вежливый интерес, да и то в основном потому, что Аталай явно хотел этого.

Они достигли развилки подземного хода. Теперь можно было свернуть или в одну сторону, к гробнице мертвых сынов Солнца, или в другую – к обители сапаны Таури и его домоладцев. Ило на некоторое время замешкался, ожидая приказаний, и верховный жрец молча кивнул налево. Сейчас у него не было настроения общаться с мумиями, выпрашивая у них кратчайшую дорогу к помыслам богов.

Навстречу им стали попадаться жрецы разных рангов и служительницы-девушки – группами и поодиночке. Пирамида велика, галерей и залов в ее чреве множество. Впереди праздник осеннего равноденствия, к которому все помещения надо привести в полный порядок, чтобы сошедшие с небес боги могли убедиться в верности людей.

Через тысячу шагов они вышли к самому крупному залу во всем подземном «городе». Вырубленный в форме трилистника, зал служил перекрестком путей. Тот, что вел направо, оканчивался под жреческим кварталом. Другой же приводил ко дворцу сапаны.

– Спасибо, Ило.

Аталай кивнул в ответ на вежливый поклон помощника и отправился во дворец. Здесь было гораздо светлее, чем внутри главного храма, и дополнительного освещения не требовалось – оно проникало сквозь умело проделанные в скале отверстия, минуя зеркала и линзы.

Достигнув продовольственного погреба, где уже суетились повара, Аталай прошел через пост охраны на узкую лесенку, ведущую прямоком в покои наследника. Этой дорогой могли ходить только он и сам Кумари, все прочие были вынуждены проделывать более длинный путь через дополнительные посты и переходы.

Но подняться в покои воспитанника Аталая не дали. На первом этаже дворца ему попала группа из нескольких старших жрецов и военачальников. Завидев верховного жреца, они с явным облегчением призвали его вернуться к расследованию убийств.

– Ты просил никого не подпускать к месту пира ночного демона, – напомнил племянник сапаны, сотник. – Мы разослали гонцов сразу после того, как хозяин приютного двора доложил о смерти человека с запада.

– Купец? – похолодел Аталай. Если демон примется за приезжих, торговля неминуемо рухнет и с прибрежными товарами будет туго.

– Нет, носильщик.

– Найдите Ило, и пусть его приведут туда же, – распорядился верховный жрец.

У входа их уже поджидали воины с паланкинами. Сердце Аталая, лишь только он получил страшную весть, толчками билось в груди, словно просясь наружу. Неужели поймать злодея так и не удастся? Всем солдатам, бдящим на ночных улицах Тайпикала, даны строгие указания останавливать всякого подозрительного человека и тотчас поражать его отравленными дротиками и копьями, если он покажется им похожим на демона или человека-убийцу.

Вот уже в четвертый раз, примерно каждый месяц, выходит неведомая тварь на ночную охоту и убивает!

Или это в самом деле незримый демон, посланец подземного царства, или же солдаты слишком опасаются приставать к подозрительным людям – кому хочется погибнуть в неравной стычке с самой смертью?

Всех собак с постоялого двора прогнали, и все равно за полночи с убийства они успели сильно повредить тело.

Преодолевая сердечную боль, Аталай со всех сторон осмотрел залитое кровью и погрызенное псами тело. Крысы над ним, несомненно, также успели «поработать», не говоря уж о полчищах мух, что слетелись, кажется, со всего города.

– Что ты об этом думаешь, господин? – вполголоса спросил один из жрецов, что не побоился пристроиться по другую сторону трупа и обшарить мертвецу карманы.

Ничего, кроме трех сушеных какао-бобов, он там не нашел. Этого количества бобов хватило бы на то, чтобы всю ночь пользоваться услугами девушки. Убийцу, как видно, материальные ценности не прельстили, иначе он непременно обчистил бы помощника купца до нитки. Собственно, Аталай в очередной раз получил подтверждение давней догадки, что смерть, время от времени появляющаяся на улицах Тайпикала, носит неземной характер.

Тут он заметил помощника. Ило возник из-за спин жрецов и солдат и побледнел, наткнувшись взглядом на окровавленный труп. Однако он быстро совладал с собой и так же внимательно осмотрел место преступления. Насколько мог судить верховный жрец, этот случай ничем не отличался от предыдущих. Как обычно, жертвой убийцы оказывался молодой мужчина в расцвете лет, неотягченный ни уродством, ни увечьем – правда, на этот раз, согласно рассказу владельца приютного дома, он был пьян.

– Очевидно, тело уже после смерти проволокли за волосы два-три шага, чтобы спрятать в тени, – заметил Ило и показал на прогоревший факел. – Так его не смогли бы заметить до утра.

– И не заметили, – проворчал кто-то из воинов.

– Непременно отнесите тело лекарю, пусть осмотрит более внимательно, – распорядился Аталай. – Лучше всего Уймуну.

– Правильно ли это? – выступил вдруг старший жрец. – Если мы позволим лекарю изучать поступки демона, он может обозлиться.

– А если это не демон? Видишь на соломе следы крови? Тело отволокли с места убийства!

Жрец упрямо сжал губы, и все остальные также выразили смущение, если не откровенное недовольство идеей Аталая – исключая Ило. Тот одобрительно кивнул.

– А может, он сам полз в беспамятстве?

– На спине, с распоротым горлом?

– Тебе виднее, господин, – после недолгого молчания склонил голову жрец, словно снимая с себя ответственность за последствия такого решения.

Всю дорогу обратно, во дворец, Аталай безуспешно пытался понять, как ему организовать поимку убийцы. Если после предыдущих случаев он еще склонен был подозревать порождения подземного царства, которые в слепой злобе решили усугубить трудности аймара, то сегодняшнее убийство всерьез повернуло его взгляд в сторону человека.

Так повлияло на его мнение даже не то, что труп проволокли два шага, желая укрыть его в тени. Нет, самое жестокое действие на Аталая оказала красная шерстяная нить, которую он незаметно для всех снял со щепки, которая торчала из ограды загона, на ее внутренней стороне. Как он успел выяснить в паланкине, нить была тонкой и выделанной с немалым тщанием – а значит, пряла ее послушница школы жрецов. И выпала эта нить, следовательно, из жреческого плаща!

Это чудовищное открытие, когда Аталай осознал весь его ужас, на какое-то время почти лишило верховного жреца способности трезво мыслить. Он еще мог бы понять, если бы убийства совершались злодеями ради выгоды или из чувства мести. Но такие! Если человек становится жертвой в темноте, непроницаемой для взора Солнца, да еще вдали от Храма...

Только демонам и достанется такая жертва, никак не Творцу и прочим добрым богам. Кто из жрецов мог настолько обезуметь, чтобы поклоняться силам тьмы?

Вернувшись под своды дворца, Аталай заставил себя отвлечься от тяжелых мыслей и вторично омыл руки, призвав на помощь слугу с кувшином. Затем он поднялся в покои наследника.

Молодой сапана Кумари одевался с помощью служанки, облаченной только в легкую и слишком короткую накидку. Пока девушка завязывала на ногах господина высокие теплые сапоги из двухслойной кожи ламы, сам он, отвернувшись к окну, причесывался золотым гребнем с плотно расположенными зубьями.

– Аталай! – приветливо сказал он, когда слышал шаги и обернулся. – Ты, как всегда, навещаешь меня первым.

– Увы. Я был бы куда более счастлив, если бы ты сам навещал меня. И не по утрам, а на закате, когда появляются первые звезды. Близится праздник равноденствия, и было бы кстати...

– На закате у меня есть дела повеселее, – хмыкнул Кумари и потрепал девушку по голове, приказывая ей подняться с колен. – А уж ночью тем более! Я ведь уже говорил тебе, наставник, что готов немного заниматься твоей наукой до полудня или после обеда – выбирай сам. Если у меня не найдется более важных дел, конечно. А тратить ночное время на то, чтобы таращиться в небесные трубы на холодные огоньки? Прости, это не слишком умно.

– Звезды не видны в светлое время суток, – спокойно сказал жрец. – И тебе это прекрасно известно.

Кумари шлепнул храмовую девушку по ягодице. Служанка тихо взвизгнула, сверкнув на Аталая черными глазами, и выскочила из комнаты повелителя. Тот шагнул к плетеному столу у кровати и стал перебирать мелкие разноцветные кувшины, судя по всему с благовониями.

Кумари был красив, насколько это вообще позволено будущему сыну Солнца, чтобы не затмить своего небесного прародителя. На его вытянутом бледном лице, словно обойденном вниманием жестокого горного света, органично разместились карие глаза, идеально «орлиный» нос и волевые губы. Да и сложен он был великолепно. Обычно Кумари носил тонко выделанный шерстяной плащ, украшенный золотыми дисками, самый крупный из которых располагался на груди. Кроме вплавленных в него прозрачных камней диск был украшен печатью в форме

призмы и множеством священных петроглифов. На других золотых пластинах можно было увидеть синие лица воинов.

Прическу молодого сапаны скреплял обруч, увенчанный стилизованной головой пумы с глазами-бусинами из редкого западного жемчуга.

– Зачем я буду забивать голову премудростью, которую мне все равно не постичь? – осведомился Кумари, покончив с благовониями. – В государстве сотни жрецов, владеющих искусством предсказания. Не ты ли всю жизнь направлял моего отца, чтобы сделать его правление угодным Творцу? Не помню, чтобы он принимал важное решение, не посоветовавшись с тобой, наставник.

– Таков обычай. Одно дело соглашаться с рекомендациями сведущих, а другое – следовать им не задумываясь.

Все эти доводы он уже не раз излагал и Таури, и его сыну. Но если сапана с уважением относился к установлениям предков и в юности прилежно занимался астрономией и другими науками, потребными для просвещенного правления, то Кумари почти открыто пренебрегал своими обязанностями. Ох, уж это новое время!

– Зачем казна платит своим мастерам, зачем содержит столько жрецов, если сапана обязан во всем разбираться сам? – гнул свое юноша. – По-моему, достаточно и того, что у моего отца есть войско и оно в состоянии принудить каждого работать на благо народа. А когда возникнет потребность, привести к трону новых подданных. Не твое ли предвидение я намерен исполнить, наставник? Тебе следует быть довольным своим учеником.

Аталай только вздохнул, ничего не ответив. Если на его стороне правда предков, то за молодого сапану – простая логика, против которой нечего возразить, кроме банального «так полагается». Что ж, может быть, действительно пора взглянуть на мир по-новому, не отгораживаясь от него тысячами древних правил?

– И кроме того, – со смешком добавил Кумари, цепляя на пояс золотой меч, – мой плащ не выдержит еще и креста.

Аталай невольно улыбнулся. В самом деле, этот символ причастности к знаниям богов неудачно смотрелся бы на совершенной одежде юноши. Довольно было и того, что вся она была украшена знаками воинской доблести, не вполне заслуженными. Несмотря на всю нелюбовь к древним знаниям, Кумари хорошо справится с ролью полководца. Он уже не раз совершал длительные военные походы и уверенно чувствовал себя во главе войска.

– Если ты готов без оглядки довериться своему будущему верховному жрецу... – пожал плечами Аталай.

– Я доверяю тебе. А значит, своего преемника ты выберешь так, чтобы отойти в царство мертвых спокойно.

«Слишком острый ум у этого мальчишки, не в пример его отцу», – в очередной раз решил верховный жрец и наставник. По крайней мере там, где дело касается его образования. Придумает самые неожиданные доводы, чтобы только не глядеть на небо по ночам и не постигать глиняную премудрость предков.

«Я хотя бы попытался», – подумал Аталай и уже хотел покинуть комнату молодого сапаны, как со стороны парадного входа послышался звон металлических пластин на одеянии стражи и резкие голоса.

Плотная алая штора с вышитой на ней ламой откинулась в сторону, и в комнату вошло сразу три человека. Двое по краям, с позолоченными копьями и короткими мечами, были воинами из охраны, а третий, запыхавшийся и возбужденный, – Ило. Выступив вперед, он сложил руки на груди и склонил голову, ожидая позволения говорить. На висках молодого жреца блестели потные дорожки.

– Я слушаю, – сказал Аталай.

Они расстались совсем недавно, и встревоженный вид помощника порядком озадачил верховного жреца. Что же могло произойти за такое короткое время?

– Говори, – кивнул Кумари и улыбнулся. – Как видно, наставник Аталай, у тебя в хозяйстве случилось что-то необычное, раз этот ученик жреца поторопился сломя голову во дворец.

– Это так, господин и молодой сапана, – хрипло отозвался Ило. – Не далее как десятую долю шестицы назад в усыпальнице прежних сынов Солнца...

Он глубоко вздохнул и сбился, словно не мог подобрать верных слов.

– Ну? – не вытерпел Кумари.

– Был схвачен пришелец из неведомого племени!

– Что? – воскликнул молодой сапана.

– Ночной демон! – вырвалось у Аталая. – Он похож на демона?

– Солдаты говорят, что больше всего он похож на бога. Сейчас он препровожден в подвал твоего дома, а на входе выставлена стража. Происшествие настолько странное, а речь пришельца так непонятна... Старшие жрецы сочли необходимым призвать тебя как можно скорее.

– Очень интересно! – вскричал Кумари и шагнул к выходу. – Идем же, Аталай, поговорим с этим человеком. Это наверняка шпион из соседнего племени, что еще не поклонилось моему отцу. Вот только как он очутился в усыпальнице? Замыслил похитить наших богов, не иначе!

– Разберемся...

Верховный жрец был даже рад, что хоть таким способом выманит своего ученика за пределы дворца и казармы. По его знаку все покинули комнату и быстрым шагом направились в жрецеский квартал, но не подземными переходами, а обычным путем.

– Почему ты заподозрил в нем демона? – спросил Кумари.

– Сегодня ночью умер еще один человек.

– Меня уже забывают оповещать о таких «пустяках»! – зло рассмеялся молодой сапана. – Что ж, если поймали демона, мы пойдем это по десяткам трупов моих солдат, которые после него останутся. А если лазутчика... Тогда он будет безропотно нас дожидаться, верно?

Верховный жрец был вынужден кивнуть.

Миновав несколько залов и анфилад, полных слепящего золотого блеска и слуг, они спустились по широкой мраморной лестнице во двор. Сестры, завтракавшие у фонтана в тени дерева, приветствовали будущего сапану смехом и призывами присоединиться к ним, однако Кумари лишь озабоченно кивнул им, и девушки утихли.

К кварталу жрецов с их домами и двумя старыми храмами вела широкая мощеная дорога, по ней-то и устремились Аталай и оба молодых человека. Завидев издали верховного жреца в сопровождении его знатного подопечного, обитатели квартала старались убраться подальше от начальственных глаз.

Короткая процессия быстро достигла дома верховного жреца. Первым на крыльце попался старший сын Аталая, как всегда, полусонный и чем-то удивленный. Но хотя бы сейчас его глуповатый вид не слишком расходился с реальным положением дел. Рядом с ними стояла и жевала кукурузные «волосы» любимая лама младшей дочери, Майты.

Жена, дети и слуги верховного жреца, когда посетители вошли в дом, с поклонами столпились в проходах, а затем молча скрестили на груди руки.

– Где лазутчик? – нетерпеливо вскричал Кумари. Он уже успел обнажить короткий меч, словно собирался немедленно обезглавить врага. – Или страшный демон, – со смешком добавил он.

– Здесь.

Ило проскользнул вперед и показал на крышку подвала. На ней стояли два воина из храмовой стражи, а рядом с ними – несколько младших жрецов и Уакаран. Он занимал должность старшего жреца – мастера церемоний, а значит, был вторым человеком в храмовой иерархии.

По знаку Аталая все они расступились.

– Вы уже окурили все помещения дымом, прочитали священные слова? – спросил верховный жрец. – Демон обездвижен? Он не вырвется наружу, когда мы откроем подвал?

Ему не слишком-то нравилось, что неведомое существо очутилось в его доме, рядом с припасами для его семьи. Что может сделать озлобленный дух, подвергнутый заточению? Самое малое, отравит или уничтожит все, к чему сумеет прикоснуться!

– Пусть только попробует!

Молодой сапана бесстрашно шагнул вперед и приготовился поддеть крышку мечом, хотя вполне мог командовать, чтобы кто-нибудь из солдат поднял ее за железное кольцо.

– Постой, Кумари! – резко произнес Аталай. – Демон в состоянии убить любого, если его не обезвредить заклятием.

– Лазутчик-то? – усмехнулся сапана, однако убрал меч от крышки. – Кого ты назвал демоном?

– Кто-нибудь зажег там факел? – осведомился хозяин дома.

– Зачем? – выступил один из помощников. – Этот человек прибыл неведомо откуда и наверняка голоден, он мог опустошить или проклясть твои припасы.

– Для демона не существует тьмы, он сам ее часть, – заметил Уакаран.

Аталай лишь поморщился от досады. Как можно быть таким наивным, чтобы рассчитывать, будто простая тьма способна озадачить нечеловеческое существо, кем бы оно ни было?

– Отвели бы тогда в казарму, уж там хватает пустых ям, – недовольно заметил Кумари. Предостережение верховного жреца подействовало на него. Во всяком случае, сапана решил проявить осторожность, свойственную военачальнику, и не лезть навстречу опасности вперед своего солдата. – Мы долго будем так стоять?

Не хватало еще устраивать между наследником и жреческой кастой препирательства по поводу принадлежности пленника. Жрецы молча переглянулись, и Аталай поспешил прекратить эту немую сцену, командовав приготовить оружие и распахнуть люк. Если пришелец действительно незримым проник в усыпальницу старых правителей, то он обладает колдовской силой или секретом становиться невидимым...

А все новое и необычное надлежит исследовать тем, кто ближе к богам. И только потом, если это представляет интерес для армии, можно посвятить в детали открытия военачальников во главе с молодым сапаной и его божественным отцом.

Может, тут уже и нет никого? Духи, особенно злые, как никто умеют выскальзывать из человеческих ловушек. Это было бы наилучшим выходом из ситуации.

Факел в руке одного из воинов, что первым медленно спустился в подвал, выхватил из тьмы обширное вытянутое помещение, заставленное кувшинами с кукурузным маслом и пивом, корзины с мукой, вяленой рыбой и мясом.

На одном из кувшинов сидел голый человек. Он крупно дрожал, щурился на яркий свет факела и медленно жевал кусок копченого мяса ламы. Однако при виде солдата с копьем отшвырнул еду, вскочил и схватил стоявший подле него бочонок мукой. Все против воли отступили на шаг – ростом нечеловек превосходил самого высокого из аймара и буквально упирался макушкой в дощатый потолок. И сложен был как настоящий солдат, а не жрец или крестьянин.

С губ его слетело что-то чудовищное, настолько чуждое языку аймара, что все ахнули от ужаса.

– Ну вот, уже проклял... – обреченно прошептал кто-то позади Аталая.

– Если это посланец богов, ничего осквернить или проклясть он не может, – резко произнес верховный жрец.

– Я убью этого демона! – взревел Кумари и бросился на пришельца с мечом.

Ему на подмогу пришли два солдата, которым не повезло очутиться ближе всех к своему военачальнику. Они одновременно выбросили перед собой копья, чтобы пригвоздить демона к

полкам с припасами, но тому чудом удалось увернуться и обрушить на голову одного из воинов мучной бочонок. Тот треснул, и в подвале взметнулся белый туман.

– Стойте! – безуспешно восклицал Аталай. Никто его не слышал.

Те, кто рискнул углубиться в мучную завесу, очень скоро вылетали обратно со сломанными копьями и окровавленными физиономиями. Обратно никто из них отчего-то не стремился. Один из воинов, размазывая кровавые слюны по лицу, задушенно бормотал:

– Демон... Он чуть не пронзил меня когтем, и как я увернулся?

Наконец кто-то догадался зажечь второй факел, и стало видно, как Кумари, по-прежнему с мечом, и пришелец стоят друг напротив друга и тяжело дышат. Голый нечеловек стискивал в могучих руках скамью с отбитой ножкой, носящую глубокие зарубки от оружия сапаны. Было очевидно, что битва может продолжаться еще долго, и неизвестно, кто в конце концов одержит верх. Скорее всего, белый демон, ведь помощи от солдат Кумари ждать уже не приходилось.

Он также понял это и медленно отступил к выходу из подвала.

– Это посланец богов, – счел нужным выступить Аталай.

Он приблизился к воспитаннику и положил тому руку на плечо, принуждая опустить меч.

– Что-то не похож на посланца, – упрямо отозвался Кумари, но отвел оружие в сторону, а затем и вовсе поместил в поясную петлю. Он уже в достаточной степени продемонстрировал храбрость. – Где золотые одеяния, корона? Говори, кто бы ты ни был, – громко приказал он.

Пришелец вдруг широко улыбнулся и бросил скамью на пол.

Кажется, явление перед ним такого количества народа стало его забавлять. Похлопав себя по обнаженным плечам, он что-то сказал на незнакомом языке, похожем на клекот кондора, и показал жестами, что желает одеться. По гостю никак нельзя было сказать, что он смущен или напуган.

Вообще всем стало видно, что у себя на родине этот человек – если его можно так назвать – наверняка был великим и могучим воином. Ведь он не только наделен невероятным ростом, но и способен голыми руками, с помощью бочки и скамьи, отразить натиск нескольких вооруженных воинов Кумари! А ведь это самые лучшие солдаты в государстве аймара.

Никто не решился снять с себя одежду, и тогда гость шагнул к молодому сапане и прикоснулся к золотой пластине на его плаще.

Кумари едва сдержался, чтобы не выхватить меч и не отрубить нахалу руку. Однако напряжение так явственно проступило на его благородном лице, что пришелец его почувствовал. Кулаки обоих воинов напряглись, и только порядочным усилием воли, видимо, они вновь не набросились друг на друга.

– Ило, отдай посланцу богов плащ, – поспешно приказал верховный жрец.

Помощник без восторга расстегнул пару золотых крючков возле горла, скинул одежду и протянул ее гостю. Тот опять что-то сказал с хмурым выражением лица, однако «подношение» принял и тотчас неумело, путаясь в краях, надел его задом наперед. Среди жрецов и солдат возникла нерешительная волна смешков.

– Кажется, он не опасен, – рассмеялся Кумари. – Хоть и велик не в меру. Ты нас понимаешь, лазутчик?

Но тот явно не понимал ни слова из чужой речи, так же как и аймара – из его. Теперь он глядел на прибывших со снисходительной, «понимающей» улыбкой, словно они неразумные дети, а он бог.

Аталай испытал укол тревоги. Слишком уж необычным было внезапное появление этого «безъязыкого» в усыпальнице, да к тому же нагишом. Как ему удалось миновать все посты и очутиться за дверями, с которых только раз в год отодвигается каменный засов? Похоже, с наскока в этом вопросе не разобраться.

– Ну как, препроводить его в тюрьму, наставник? – спросил Кумари.

– Нет. – Голос верховного жреца был тверд, поскольку он уже принял решение. – Это не лазутчик, я убежден. А значит, пока останется в моем доме.

– Кто знает доподлинно, Аталай? – вкрадчиво заметил Уакаран. Верховный жрец удивленно посмотрел на него, словно не веря ушам. Ему еще не доводилось слышать от Уакарана публичных возражений. – Там, где дело касается богов, может найтись место всякому... Если боги шлют нам предупреждение, мы обязаны предпринять любые меры для защиты народа, в том числе военные. Может быть, отвлекать армию от города сейчас неразумно?

– От гнева богов защиты нет, – резко ответил верховный жрец. – Ни праща, ни копье, ни меч не удержат их, если мы совершим непростительную ошибку и станем пытаться их посланца. Я не вижу связи между походом и явлением этого голого здоровяка в усыпальнице.

– Тебе виднее, наставник, – разочарованно протянул молодой сапана. – Но охрану твоего дома я распоряжусь усилить, не спорь.

– Главное сейчас – показать посланцу его комнату и обеспечить самым лучшим уходом, как посла другого государства.

Возражать верховному жрецу никто не осмелился.

Несмотря на озноб от собственной наготы и первые признаки голода, Алекс даже не думал, что действительно оказался не в уютном подвальчике носатой ведьмы, а где-то совсем в другом месте. Мысль об этом просто не возникала в его голове! Он же своими глазами видел, как очухался и был выставлен вон американец. И вообще, о путешествиях духа под влиянием психоделиков знают все, а вот чтобы в них участвовало еще и тело... Увольте, это уже сказки бабушки-колдуни.

А потому суматошное «сражение» с ряженым коротышкой, ледяной камень подземелий и прочие «радости» реальных ощущений Алекс воспринял поначалу с улыбкой. Его даже радовало правдоподобие всех этих персонажей его наркотического бреда. То, что они не самодостаточны, было очевидно – вон как возбудились и затараторили на своем тарабарском наречии, стоило им увидеть новенького в их иллюзорном мирке.

«Все это мне мерещится», – твердо заявил себе самому Алекс и решил плыть по течению, получая максимум удовольствия. Не может же дурман сидеть в мозгах вечно! Так что надо пользоваться моментом и улететь по-настоящему, забыв о носатой ведьме и ее девчонке.

Эх, жалко, что Лельки тут нет, она бы сразу забыла о бестолковых фигурах в пустыне на ска и простила Алексу вспышку раздражения... Ладно, все равно одно и то же видение не может посетить две разные головы.

Тут, судя по всему, местные жители приняли какое-то решение, поскольку расступились и жестами показали Алексу, что он может подниматься. Тот, что лишился плаща, дрожал и глядел исподлобья. Он явно не прочь был пустить в ход копье – хорошо еще, что у него такового не оказалось.

Алекса провели в первую же комнату, сплошь застеленную колючими шерстяными одеялами, и оставили в одиночестве. Окон здесь не было, зато к стене у входа был приторочен горящий факел. От него неприятно воняло.

Гость сел на подушку и задумался. Пока его удручало только одно: обитатели этой средневековой фэнтези разговаривают вполне связно и понимают друг друга, а он их – нет. Речь в устах индейских рыцарей и воинов звучит как настоящая. Вот это уже не укладывалось в теорию. Получалось, что Алекс на подсознательном уровне выдумал новый язык.

Тут ему вспомнились многочисленные истории о людях, внезапно заговоривших на чужеземных языках после черепных травм. Кому-то горшки на головы падали, кто-то об камни ударялся... Что-то вроде этого. И Алекс решил, что эти ребята болтают на обычном кечуа, но заговорить на нем ему самому без крепкого удара по черепу не получится. Зато случайно

подслушанные за время пребывания в Перу индейские слова и фразы отложились в памяти и теперь оказались «в устах» этих иллюзорных граждан.

«Да черт с ними, – запутался он. – Не хватало еще в реале мозги засорять. Кечуа какой-то! Если бы английский в памяти возник или на худой конец испанский...» И Алекс бросил ломать голову над этой лингвистической загадкой.

Он подождал еще пару минут и уже начал нервничать, как вдруг послышались легкие шаги, и тростниковый полог на входе распахнулся. Алекс сразу почувствовал себя намного лучше. Наконец-то перед ним была не толпа озлобленных воинов с оружием наперевес, а нормальная девушка. Правда, очень маленького роста.

Следом за ней, впрочем, тут же проскользнули солдаты, и они явно были готовы к мгновенной атаке пришельца.

Девушка, как сообразил «андский пленник», являлась в этой троице главной. И одета она была весьма богато, в расшитую цветными нитями шерстяную одежду до пяток, целиком скрывавшую все особенности ее девичьей фигуры.

– Наконец-то! – воскликнул Алекс и встал. – Хоть бы показали, что тут у вас к чему. Я не убегу, не бойтесь! Эй, ребята, вы меня понимаете?

Он мирно улыбнулся и показал им свободные от оружия руки.

– Майта, – напряженным голосом сказала девушка и ткнула себя в живот пальчиком.

Длинные черные волосы девушки были аккуратно заплетены в две косы и скручены на затылке. Лицо ее скорее можно было бы назвать грубоватым, если бы внимание того, кто смотрел на него, целиком не захватывали вытянутые черные глаза в пушке ресниц. Алекс дал бы ей лет шестнадцать или семнадцать, хотя кто их разберет, этих воображаемых индианок?

Из ушей у нее свисали желтоватые серьги в форме простых колец. В умственной фантазии легко может оказаться, что они золотые. И на запястьях у нее болтались не менее массивные браслеты, к тому же инкрустированные драгоценными с виду камнями.

– Отлично, – обрадовался Алекс. – Люблю, когда девчонка первой себя называет. Всегда бы так знакомиться! А я, значит, Алексей, покорооче Алекс.

Все трое местных в порядочном смущении переглянулись.

– Оточвоэтодекодаде... – через силу проговорила она, держа пальчик направленным на Алекса.

Потом набрала воздуха и собралась, видимо, продолжать нести эту чушь и дальше, как Алекс догадался – она пытается воспроизвести его тираду! И он обидно рассмеялся, чем поверг всех троих обитателей горной фантазии в ступор. Чтобы они окончательно не окаменели, он заставил себя успокоиться, ткнул себе в грудь и отчетливо сказал:

– Алекс.

На лице девушки отобразилось явное облегчение, и она повторила:

– Алейес.

– Алекс!

– Алекос. Майта.

– Майта. Алекс.

– Алекос! Майта...

– Ладно, пусть будет Алекос, – сдался гость.

Наконец все формальности взаимного представления остались позади. Заминка вышла только в самом конце, когда Алекс попытался, называя Майту по имени, дотронуться пальцем до ее груди. Она отступила на шаг, а солдаты мгновенно ошетинились копьями и потеряли благодушный вид.

– Все нормально! – примирительно сказал Алекс и пожал плечами.

Майта приняла его извинение и вытянула руку в сторону внутренних комнат дома. Все четверо туда и отправились, причем гостю приходилось быть осторожным, чтобы при ходьбе не пробить потолок головой.

Комнаты, сквозь которые они проходили, по местным меркам выглядели роскошно. Стены здесь были украшены золотыми масками в обрамлении цветных перьев, мордами какой-то крупной кошки и даже огромными слюдяными зеркалами – в ажурной рамке из нескольких разных металлов и с блестками прозрачных камней. Почти в каждой комнате попадался очаг с запасом бурых навозных лепешек, горы шерстяных изделий и шкур, развешанные на крюках одежды и много чего еще.

Разглядеть все это великолепие Алекс не успевал.

Тут даже служанки попадались – скромные девицы нежного возраста, со щетками или тряпками в руках, и при виде Майты все они замирали со сложенными на животе руками.

– Интересно, куда делся тот парень с золотым мечом? – спросил Алекс. – Может, это был твой муж, Майта?

Ответа, понятно, он не добился, хотя упоминание ее имени заставило девушку недоуменно покоситься на пленника – или теперь уже гостя в окружении почетного эскорта?

В доме обнаружился и второй этаж. Вся четверка вереницей поднялась туда по узкой каменной лесенке и очутилась в середине квадратного помещения. Из него вело три хода, задернутых пологам. Майта откинула левый на крюк и встала рядом с ним, не заходя внутрь. Алекс понял, что достиг цели, и шагнул в свои будущие апартаменты.

– Ну, спасибо! – только и смог выговорить он.

Если эта комната и не была президентским люксом в представлении Алекса, то для местных она именно таковым и являлась. Украшений на стенах и шкур тут было больше, чем в других помещениях, но особенно гостю понравился небольшой фонтан в форме змеи. Из ее горла вверх изливалась тонкая струйка воды, чтобы сбегать по золотому туловищу и пропасть в воронке на полу. Глаза твари изумрудно зеленели.

Несколько портил впечатление слабый «аромат» канализации, почти забитый какими-то пахучими веществами, однако ничего удивительного в его наличии, пожалуй, не было. Алекс даже не слишком удивился тому, с какой точностью его фантазия формирует такие реалистичные подробности.

Вот только окно было слишком маленьким, не пролезешь в случае необходимости. Впрочем, зачем и куда бежать из такой отменной «тюрьмы» и от такой симпатичной девчонки?

Алекс обернулся и увидел, что Майта улыбается, довольная произведенным на гостя впечатлением. Ее напряженная с момента встречи физиономия словно преобразилась, став по-настоящему красивой – какой-то дикой, первобытной красотой, отчего у Алекса язык моментально присох к нёбу. И все же он выдавил:

– А теперь бы еще перекусить, хозяйка.

Она непонимающе покачала головой. Тогда Алекс изобразил руками, как обгладывает огромную звериную ляжку и запивает ее хмельным вином из рога. Пантомима вышла удачной, поскольку Майта сдержанно кивнула, пряча улыбку, и ушла. Полог она закрыла.

Алекс было сунулся наружу, но там, как он и предполагал, остались оба суровых солдата. Смотрелись они мрачно, даже не пытаясь изобразить дружелюбие, словно только и ждали случая проткнуть пленника. Покидать эту страну-фантазию таким наверняка болезненным способом Алексу пока не хотелось, поэтому он решил остаться в «апартаментах» и детально изучить вид из окна.

А видно оттуда было многое. Вокруг небольшой площади, на краю которой стоял этот дом, располагалось еще несколько похожих архитектурой зданий, сложенных из крупных каменных блоков. Крыши у них были плоскими, и все как одна оборудованы водостоками.

Возле каждого дома виднелся крытый соломой загон, и во многих из них можно было разглядеть характерные фигуры лам. Судя по звукам, там же в деревянных клетках обитали и куры.

Видна была часть улицы, ведущей вниз, – местами она превращалась в довольно крутую лестницу. Вообще самых разных лестниц, узких и широких, длинных и коротких, тут имелось великое множество. Оно и понятно, поскольку город стоял на склоне горы.

Больше всего Алекса впечатлила колоссальная правильная пирамида с усеченной вершиной, к которой вела узкая, в несколько витков тропа. Вполне возможно, пирамида была самым высоким строением в окрестностях. Неподалеку от нее, на склоне соседнего холма, обитатели этой горной сказки возвели целый комплекс отменных дворцов – один большой и несколько поменьше, и отделали их огромным количеством золота. Во всяком случае, желтые и блестящие пластины, от которых отражался яркий свет, походили именно на золотые. Вокруг этих капитальных сооружений были грамотно высажены деревья, отчего картинка напомнила Алексу висячие сады Семирамиды, виденные им в исторической книжке.

– Вот где люди живут, – восхищенно протянул он.

Алекс припомнил уроки истории, Писсарро и неумемую жажду золота, которая заставила испанцев уничтожить цивилизацию инков.

– Далеко же меня отправила носатая ведьма...

Насколько мог, он вытянул шею и поглядел в другие стороны. Справа видна была крутая скала, а рядом с ней – действующий фонтан с открытой купальней в форме квадратного бассейна. Там сейчас торчало десятка два голых жителей обоих полов, и друг друга они не стеснялись. Так же как и тех, кто пришел просто наполнить водой кувшин.

Слева просматривались все более уменьшающиеся домишки простых горожан, а за ними ущелье и его противоположный склон, весь поделенный на поля-полоски и узкие ленточки оросительных каналов. «И как они туда воду закачивают?» – озадачился Алекс. На полях сейчас трудилась, обрабатывая какой-то злак, целая куча народа, включая явных детей. «Одни купаются, а другие пашут, – одобрительно подумал пленный гость. – Совсем как у нас».

Он был рад, что очутился не в хижине бедняка, а в роскошном «отеле» с красавицей хозяйкой, пусть и недотрогой. Ничего, одурманенный наркотиком мозг так просто этого не оставит, и она еще покажет свои прелести в угоду подсознанию Алекса. На минуту ему стало неловко от этой мимолетной мысли, будто он обманывал Лельку. Но потом Алекс решил, что контролировать подсознание невозможно и стесняться себя самого просто нелепо. Для того и существуют сны и воображение, чтобы не допускать животные инстинкты в реальную жизнь.

Только он утешился этой идеей, как девушка вернулась в сопровождении двух служанок. Те волокли на себе множество кувшинов и горшков, а Майта с пустыми руками шла следом. Ухитрившись не рассыпать снесь на шкуры, служанки ловко расставили посуду и упорхнули.

Майта же что-то проговорила и указала взглядом на «стол».

– Спасибо, – ответил Алекс. – И ты садись, что ли.

Он смял одну из шкур в комок и плюхнулся на нее. Девушка настороженно опустилась на колени напротив гостя. Тот решил не ждать ее «пояснений» и стал самостоятельно изучать содержимое емкостей. В полый тыкве обнаружилось что-то похожее на пиво, и он с некоторой опаской отхлебнул напиток. Пойло было жутким, но градусы в нем ощущались, и Алекс удовлетворенно крикнул.

– Чича, – сказала Майта.

– А, это я знаю! – обрадовался Алекс. – Только правильно будет «чача», а не «чича».

– Чича, – твердо повторила девушка.

– Ладно, пусть будет чича... А это что за байда?

Он сунул руку в широкогорлый кувшин с продолговатыми округлыми зернами и выудил на свет горсть арахиса. Орехи оказались хорошо прожаренными, но совершенно не солеными. Чтобы поддержать разговор, Алекс выступил с замечанием – как же так, трудно было посолить

к пиву? Хозяйка его не поняла и глядела при этом с некоторым неодобрением, словно гость вел себя не по правилам.

«Интересно, я должен соблюдать местный этикет, если он целиком придуман подсознанием? Да и какой он? Может, я должен громко рыгнуть после трапезы», – задумался Алекс. После недолгого размышления он решил, что вести себя вежливо будет проще всего, и за себя самого спокойнее. Кто знает, что ему потом скажут индианки в подвале, когда он очнется от наркотического сна? Может, у них тут взаимное проникновение духов? Вон как лез в голову с комментариями нелепый музыкант.

Майта как будто не вытерпела и стала показывать, в какой последовательности надо принимать пищу. Алекс послушался доброго совета, но особой прелести не почувствовал. Местная еда, на его взгляд, отличалась крайней простотой.

Он отведал мясо под названием «чалона», мелкую холодную картошку «чуню», явно замороженную прямо в сушеном виде, вареную фасоль и кукурузу. Все оказалось до ужаса пресным, а оттого малоприятным, так что Алексу приходилось активно заливать еду чичей, а то бы не полезла.

«Пора бы остановиться», – раза три подумал он, однако продолжал запускать руку в кувшины – желудок требовал добавки.

В одной мелкой тыкве он нашел другой хмельной напиток отменной крепости, называвшийся «качаса», но вкус его оказался совсем уж мерзким. А потом в неприметной золотой шкатулке он увидел сочные листья, перемешанные с белыми шариками. Есть больше не слишком-то хотелось, и Алекс ткнул в них пальцем и поднял вопросительно брови.

– Кока, – улыбнулась Майта и протянула ему один листок, в который завернула шарик. Себе она приготовила такое же «угощение».

После этого она стала что-то объяснять, но Алекс был занят тем, что восхищенно катал в голове мысль: «Надо же, сам в полном угаре, и внутри него еще коки пожую! Двойной эффект получится». Поколебавшись, он откусил часть от суховатого листка, помял передними зубами и проглотил.

И оказался не прав, поскольку лист требовалось прожевать, что и продемонстрировала хозяйка.

– Понял, ничего кусать и глотать не надо, – кивнул Алекс.

Белый шарик оказался банальной известью, малоприятной на вкус, но выплюнуть ее отдельно от коки было невозможно, к тому же нетактично. Через несколько минут после того, как все соки из растения были выжаты и впитаны, Алекс почувствовал, что готов разобрать этот дом на составляющие и останется еще куча энергии, чтобы собрать его заново.

Жизнь казалась прекрасной, вот только девушка, сидящая напротив Алекса, не вполне готова была разделить это мнение. Она посмеивалась и кусала мороженую картошку. Алекс попытался ухватить ее за подол платья, чтобы увидеть наконец лодыжку и, если повезет, даже бедро, но Майта со смешком отодвинулась и вмиг очутилась рядом с выходом, откуда и погрозила гостю пальчиком.

– Алекос, – укоризненно проговорила она.

– Ладно, ладно! – обиделся он и вскочил. – Куда пошла-то, Майта? Ну, посидим еще, что ли? Да не прячься ты за своей хламидой!

Энергия, в том числе сексуальная, переполняла Алекса. Хотелось совершить какое-нибудь активное действие, и он шагнул в сторону Майты с вытянутой рукой. На покрасневшем лице девушки мелькнул испуг, и она скользнула наружу, только цветная тряпка заколыхалась. За ней на секунду показались фигуры суровых воинов с копьями и кинжалами, нисколько не потерявших бдительности.

«Что за чертовщина», – опомнился Алекс и уселся на шкуру, чтобы унять головокружение. Ему стало неловко за свое агрессивное поведение. Ну в общем-то ничего предосудительного он не совершил...

Тут Алекс опять ощутил давление в мочевом пузыре и стал вторично осматривать комнату на предмет туалета. Он уже догадался, что эти дела тут совершаются примерно так же, как в тюремной камере, оттого и висит в воздухе стойкий, хотя и очень слабый запах. И точно, в углу нашелся широкогорлый кувшин из крупной тыквы, с крышкой. Интересно, его хотя бы раз в день выносят?

Алекс принялся расхаживать по комнате и пинать подушки с одеялами, раз уж иным способом сбросить пар не получалось.

Он уже стал подумывать, что пора прервать это затянувшееся бездействие и поколотить парней на выходе, раз уж силы девать некуда, как явилась еще одна девушка, на этот раз без всякой еды. Одежда и украшения на ней выглядели одновременно проще и ярче, а на платье при этом были вышиты фривольные эротические сценки. Причем настолько откровенные, что Алекс чуть не зарычал.

Соображение о присутствующих где-то в реальности людях, которые сейчас, вполне возможно, разглядывают его тело в старухином подвале, мелькнуло у него в голове только на секунду. Гораздо дольше его терзало острое воспоминание о Лельке, которая сейчас в одиночестве сидит в номере и смотрит в окно, пытаясь найти взглядом Алекса. А может, она давно успокоилась и тоже ушла на прогулку? «Все это мне мерещится, – твердо сказал себе он. – Такого не может быть в реальной жизни, это обыкновенный наркотический бред. Мне не в чем себя винить».

Между тем девушка стянула платье через голову и молча улеглась на спину, раскинув ноги.

– Да уж, фантазия у меня нулевая, – покачал головой Алекс. – Неужели ничего другого ты не умеешь, подруга? А подумать?

Но девушка только непонимающе улыбалась. Потом не выдержала, ткнула пальцем в кустик волос на лобке и что-то прошелестела. Алекс прекратил борьбу с собой и сдернул плащ, затем встал на колени и провел губами по груди девушки – просто накинуться на нее, словно дикарю, казалось ему слишком грубым.

Реакция индианки была странной. Она вдруг взвизгнула и в ужасе откатилась в сторону, словно у Алекса изо рта торчал змеиный язык.

– Да что же ты дикая такая? – удивился он. – Ладно, ложись обратно...

Ничего не оставалось, кроме как отступить. Алекс ласково улыбнулся, демонстрируя полную предсказуемость. Поколебавшись и поглядев на полог, за которым наверняка находились воины, девица медленно подползла к Алексу и опять улеглась на спину.

«Может, я еще и проведу с ней урок-другой, – решил он. – Где-то через полчаса, пожалуй».

После одного лишь жалкого листка коки с известкой ему уже представлялось, что победить «виртуальный» жар его плоти не сумеет и целая толпа девчонок. Недаром, оказывается, так рвался обратно давешний американец. «Интересно, старики тоже испытывают нечто подобное, угодив в мир своих наркофантазий?»

Итак, дальнейшая судьба таинственного гостя – по крайней мере на несколько часов вперед – была решена, и он остался в доме верховного жреца. Первым делом после этого Аталай должен был известить отца Кумари, самого бога Солнца. А тот уже, понятно, не мог поступить иначе, кроме как собрав совет из особо приближенных лиц.

Кумари был чужд такого рода собраний, поэтому он отговорился необходимостью посетить казарму и проверить готовность войска к походу. Предлог был вполне благовидный. Хотя

Аталай предпочел бы, чтобы молодой сапана получил куда более ценный опыт обсуждения дела государственной важности и принятия решения, а не бряцал лишний раз оружием.

Сапана Таури принял делегацию в составе Аталай, Уакарана и еще пятерых высших жрецов в малом зале своего дворца, отделанном далеко не так роскошно, как зал для многолюдных церемоний. Но роскошь сейчас и не требовалась, поскольку дело пока не вышло из категории «тайных». Вместе со жрецами пришел и воин, который услышал в усыпальнице шум и отпер ее при помощи оказавшегося рядом младшего жреца. Ни представителей знатных родов, ни посланников от дружественных племен не пригласили, поскольку дело представлялось сугубо частным, не предназначенным для всеобщего ознакомления.

Старому сапане было уже около пятидесяти лет, а утро выдалось прохладным, поэтому слуги приготовили для него горячую ванночку воды из оттаявшего горного снега, сдобренную целебными солями. В эту посудину сапана и погрузил ноги. Ходить ему в последние пару лет было трудно, и если бы не такие процедуры, он вряд ли смог бы самостоятельно передвигаться. А так его даже хватало на то, чтобы десяток раз в году, во время праздников, выйти к народу и постоять на вершине Храма Солнца.

Таури сидел на неудобном троне из красного дерева, отделанном золотыми пластинами в форме различных животных и птиц. Трон был скрыт от посетителей пологом, и видеть сапану мог только Аталай, поскольку расположился крайним на полукруглой деревянной скамье.

Как обычно во время официальных приемов, Таури облачился в праздничную одежду, самой заметной деталью в которой была накидка из меха летучего вампира. Его седые волосы, как и полагается вождю народа, были перетянуты алой повязкой из шерсти, украшенной перьями горного сокола.

– Насколько я знаю, сегодня утром был найден еще один мертвый, – начал Таури дребезжащим старческим голосом. – Что-нибудь удалось узнать? Кто убил его, когда? Тот же самый ночной демон или человек?

– Демон, – отозвался Аталай, чтобы не вдаваться в подробности.

Вздумай он заявить о своих сомнениях, это только внесло бы сумятицу в общее настроение. Не успев толком обдумать новые обстоятельства дела, на высшем совете лучше помалкивать. К тому же убийство совершается уже не впервые, и каждый воин-аймара хоть раз да убивал врага... А вот появление в усыпальнице белокожего человека – воистину чудо.

– Я также слышал, Аталай, – нетерпеливо перешел к главному Таури, – что в усыпальнице моих предков, сынов Солнца, был пойман шпион неизвестного вражеского племени. Почему этот человек еще не казнен? Может быть, это именно он убивал граждан Тайпикала по ночам?

Верховный жрец скрыл понимающую улыбку. Пусть всем известна мягкость старого сапаны, проявлять хотя бы на словах свой суровый нрав ему не запретишь. Между тем, как докладывал Ило, многие жрецы именно в терпимости Таури видели причину того, что земля скудеет. «Земле нужна кровь, много крови, чтобы она вновь наполнилась соками, – ворчали они. – Слишком много голодных ртов развелось». И при этом словно не замечали, что их собственные наложницы исправно рожают.

Таури с детства боялся крови – когда на его глазах жрец вырвал еще бьющееся сердце из груди поверженной ламы и прижал его к губам мальчика. Может быть, из-за этого все двадцать лет своего правления сапана избегал публичного насилия и ни разу не воевал с соседями, предпочитая дипломатию оружию. Таури также не любил присутствовать на жертвоприношениях, когда во славу богов на алтаре забивали лучшую ламу с его скотного двора.

– Казнить врага никогда не поздно, благо он в нашей власти, – отозвался Аталай. – Намного опаснее расправиться с посланцем друзей. И я считаю это простым совпадением. Слишком разнятся мертвый раб и Храм Солнца, откуда привели пришельца. Нет, он вряд ли может быть ночным демоном, слишком безыскусен и очень похож на человека. Ни клыков, ни шерсти.

– Наверное, ты прав, – легко согласился сапана. – Но проследить путь этого лазутчика и сопоставить с ночными делами надо непременно! Пусть расскажет первый свидетель. Он же единственный, как я понял.

Бледнея и заикаясь от волнения, солдат поведал о встрече с чудом. Заслышав удары по двери, доносящиеся из усыпальницы правителей, храбрый воин решил, что это восстал один из прежних правителей, чтобы посетить своих потомков. Несмотря ни на что, воин не потерял присутствия духа и призвал ближайшего жреца, чтобы тот руководил приемом разгневанного божества. У жреца, почти мальчишки, хватило смелости громко приветить посланца, после чего он и потерял сознание, будучи ослеплен величием «небесного гостя» и его ростом. Новоявленный «бог» никак не походил на ожившую мумию – значит, он не пролежал в помещении десятки лет, а явился туда незадолго до того, как начал ломиться в закрытую дверь. Обращало на себя внимание и то, что гость вел себя по-хозяйски, глядел на аймара с любопытством, а вовсе не как пойманный шпион. И говорил он на незнакомом языке, ну просто ни одного слова понять было невозможно. В общем по всему выходило, что это не человек.

На этом рассказ солдата закончился. Ему приказали удалиться и забыть обо всех событиях сегодняшнего утра под страхом смерти.

Итак, юный жрец при виде голого «бога» хлопнулся в обморок и крепко ушибся затылком о камень, так что прока от него в расследовании обстоятельств этого удивительного события пока не было. Аталай спросил:

– Кто-нибудь припомнит хоть один подобный случай?

Чтобы охладить перегретые мозги, он налил себе из кувшина ледяной чичи. Случай и в самом деле был невиданным.

– Когда-то из водянистой пустоты, черной как сама чернота, возник холм сухой земли, – неуверенно проговорил старший жрец, ведающий истоками мироздания. – На нем Творец всего сущего и явил себя в виде бородатого старца...

– Вряд ли тут можно найти аналогии, – возразил мастер церемоний Уакаран. – Бородатый старик и юноша? Водянистое ничто и усыпальница древних правителей? Сухой холм! «Еще не было неба и земли, и не были изготовлены мной люди и змеи... Был только Я, сам по себе» – так сказано в анналах.

– Пусть Творец и явил себя в прошлом стариком, никто из людей не запретит ему принять образ обнаженного юноши огромного роста, – разгорячился знаток древних петроглифов. – Вспомните о богинях влаги и неба, богах воздуха и земли! Каждый из них может обрести осязаемую нами форму, преследуя неведомую для смертных цель.

– Мир не застыл на месте, а развивается вместе с нашими божествами, вместе с их взрослением, – поддержал старца его молодой коллега. – Кто знает, может быть, мы стали свидетелями рождения нового, десятого члена божественного сонма. Тем более не далее как три дня назад мной была замечена над северными отрогами новая яркая звезда, предвестница перемен.

– Довольно! – осадил этот полет фантазии Аталай. – Твое наблюдение новой звезды не подтвердилось.

– Но она была, я сам видел ее в оптическую трубу, и она двигалась!

– Так мы можем зайти слишком далеко, – прозвучал усталый голос сапаны. – Явление нагого юноши в усыпальнице, безусловно, необычно, но я все-таки прошу вас начать с более... земных причин этого события. А вот когда вам не удастся найти ему привычное толкование, тогда и вспомните о дневных и ночных божествах, о сражении Солнца с Луной и тому подобном. Но уже без меня.

Таури, по своему обыкновению, постарался сгладить остроту дискуссии и придать ей практический характер, уведя ее от пересмотра основ мироздания.

– Этот человек самозванец! – заявил один из старых и косных жрецов. – Разве он похож на аймара или кого-то из соседнего племени? Убить его тайно, и делу конец. Если до народа

дойдет весть о белокожем гиганте, невесть откуда появившемся в усыпальнице правителей, беспорядков не избежать! Особенно сейчас, когда урожай такой невысокий... Не приведи боги, люди решат, что он пришел на землю, чтобы накормить их.

– Чтобы кормить людей, существую я, бог Солнца, – резко заметил Таури. Только Аталай видел, как сапана после этих слов прижал ладонь к сердцу и несколько раз глубоко вздохнул. – Это известно всем!

– Разумеется, господин... Нельзя позволить людям усомниться в этом, – вывернулся жрец.

– Если мы не захотим, никто из посторонних не узнает о нашем госте, – вкрадчиво произнес Уакаран, придя на помощь вздорному коллеге. – Какая разница, убить ли его втайне от всех или втайне же заточить в камере пирамиды? Кроме того, именно от нас зависит, как истолковать его слова, – добавил он.

Многие согласно кивнули, в том числе невидимый для жрецов Таури.

– Ты прав, Уакаран. – Сапана недовольно пошевелил ногами – похоже, вода в чаше остыла. – В самом деле, если речь пришельца никто из людей не понимает, то можно вложить в нее любой нужный нам смысл.

– Осталось ограничить круг тех, кто будет устами посланца богов, – сказал Аталай. Ему не нравилось, что Уакарану удалось завладеть вниманием вождя и заслужить его одобрение, поэтому следовало перехватить инициативу. – Не считая самого сапаны Таури, разумеется. Будет очень странно, если толмачами белокожего станет все жрецеское сословие поголовно.

– Уместно ли называть этого человека посланцем богов? – спросил Уакаран с улыбкой, предназначенной для других жрецов. – Если мы полагаем, что можем толковать его речи по-своему, а он нам на это не возразит... То никакой это не посланец, а обычный человек, пробравшийся в усыпальницу через дыру в стене. Поскольку очевидно, что боги вполне в состоянии снабдить своего посланца языком, понятным для всех людей.

– Так кто же он, по-твоему? – вспыхнул Аталай. – Кто еще мог возникнуть из воздуха в закрытом помещении?

– А кто сказал, что он не появился там еще до того, как солдат заступил на вахту? И пройти туда он мог еще в неприметной одежде, прошмыгнув мимо охраны! Кто в последний раз проверял, целые ли в усыпальнице стены? Я не говорю сейчас о том, что этот человек может оказаться демоном, посланным для того, чтобы совратить нас с пути служения истинным богам!

Все невольно ахнули, в том числе Таури. Только Аталай сдержался, поскольку главным чувством, снедавшим его сейчас, был гнев.

– Не будем пока рассуждать о таких неприятных вещах, – сказал он жестко. – Все это не более чем досужие рассуждения. Я согласен, что дело требует более тщательного изучения, но для этого мы должны будем привлечь к нему еще нескольких, пока не посвященных в него людей.

– И таким образом окончательно сделать слухи о голом пришельце всеобщими, – усмехнулся Уакаран.

В малом зале повисло тяжелое молчание. Прямоугольники солнечного света, постепенно ползущие по каменным плитам пола, уже добрались до полога, за которым прятался сапана. Скоро золотые нити, вплетенные в ткань, засияют всеми оттенками огненно-желтого. Стало слышно, как далеко внизу мычат ламы и лают псы, смеются служанки и журчит фонтан – там еще не знали об опасности, что грозила государству, если ее жрецы неправильно истолкуют сегодняшнее событие.

– Я так и не понял, – сказал наконец Таури, – каким образом этот человек мог появиться в усыпальнице. Ясно только, что без дополнительного расследования в этом вопросе не обойтись. – Он аккуратно вынул худые ноги из площадки и поставил их на заранее расстеленное шер-

стяное полотенце. – Как бы то ни было, мы можем и не разобраться в этом вопросе. Или не найдя простого объяснения, поскольку пришелец дать нам его не в состоянии, или потому что простого объяснения не существует и юноша действительно послан к нам богами. В этом случае он может оказаться как обычным человеком, не ведающим о своем предназначении, так и богом, ясно осознающим цель своего прибытия. Что мы можем сделать, если он – бог?

Жрецы переглянулись. Аталай взялся высказать, как он полагал, общее мнение:

– Ничего, господин. Убить его, даже если это возможно, означало бы смерть всего народа аймара и даже, может быть, всего нашего мира. Приветствовать его публично и поставить рядом с тобой – значит признать его самым Творцом, ибо он возник из пустоты, и принизить роль самого бога Солнца в твоём лице. Какие могут быть последствия, я даже предсказать не берусь, особенно в такой неудачный для земледелия год... Будучи богом, этот юноша должен иметь цель своего появления у нас, как ты и говорил. А значит, что бы мы ни делали, он ее достигнет, если твой небесный двойник, бог Солнца, не придет к тебе на помощь советом или делом, господин.

Во время речи Аталай с некоторой тревогой следил за лицом старого сапаны. Таури, конечно, по праву представляет главное божество на земле. Но даже будучи его признанным братом, он не сможет тягаться мощью с самим Творцом. Копья и пращи его армии – ничто по сравнению с мощью непостижимого существа, когда-то сотворившего мир. И сапана, естественно, это понимает, а потому возразить по существу не может.

– Хорошо, – тяжело проговорил Таури. По голосу его было понятно, как он стар и утомлен. – Задам вопрос иначе. Как мы можем использовать этого человека или бога в интересах государства и народа, при этом не обидев его?

– Опять же зависит от того, кто он такой, – ответил Уакаран. – Если обычный шпион, проведем показательное жертвоприношение на празднике урожая. А если бог, спросим совета или помощи.

– Когда сможем понять его, – веско добавил Аталай.

– Пока же оправдаем урезание рациона старикам...

– Значит, стоит раскрыть его появление народу? – уточнил Таури.

– И что мы скажем? – выступил жрец, объявивший гостя самозванцем. – Кто он – посланник или обычный человек? Назвать человеком бога или богом человека равно кощунственно! Навлечем лишь гнев истинных богов и самого Творца, и они отвернутся от нас или покарают! Приписать божественные речения простому смертному или выдумать собственные толкования божественным словам – выбор между ужасным и гибельным...

– Достойная критика! – сердито перебил Уакаран. – Собравшиеся здесь одинаково хорошо представляют себе всю опасность любого выбора. Порицай, предлагай!

Однако вздорный старик, так зримо обрисовавший проблему, не нашелся что ответить мастеру церемоний. Направленный на отыскание слабых мест в логических построениях коллег, над разрешением проблемы его разум работать отказался.

Всем стало ясно, что простыми рассуждениями дело «посланца богов» не разрешить. Любые активные действия, основанные на предположении человеческой или божественной природы пришельца, будут равно ошибочными. Понял это и Таури.

Он поднял небольшую деревянную палицу и два раза ударил ею в золотой диск, висящий над его правым плечом. Через мгновение массивная каменная дверь открылась, и в малый зал скользнуло несколько служанок с посудой. Перед каждым из жрецов появились серебряные подносы с плошками, заполненными яствами, и кувшинчики с теплой чичей. Отдельно лежало по свежему листу кожи с известковым шариком.

Одна из девушек, не отдергивая полога, протянула за него руку с золотым подносом, и сапана принял пищу. Какое-то время спустя, освежив трапезой дух и тело, Таури отставил посуду в сторону и спросил:

– Что мы должны сделать сейчас? Я не говорю – «можем»... Нет, именно должны, чтобы исключить любой вред государству от появления этого юноши. Забудем пока о пользе.

Над этим вопросом Аталай уже подумал и готов был ответить, но Уакаран опять опередил его:

– Самым лучшим было бы отвести его подальше от Тайпикала и отпустить восвояси, а заодно проверить как следует усыпальницу. Божеству такое обхождение не повредит, а о человеке и заботиться не стоит.

Все старшие жрецы зароптали, выражая кто недовольство, кто одобрение, но высказался один Аталай:

– Друга надлежит приветствовать и ублажать, врага же примерно наказывать! Виданное ли дело – так обращаться с гостями? Прогнав бога, мы лишимся его расположения, врага же отпустим с добытыми им сведениями о том, что наша армия завтра выступает в поход, а город остается почти без защиты.

– И кто же отвечает за это? – язвительно встрял Уакаран.

– Речь сейчас о другом!

– Предлагай, господин, предлагай, – склонил в притворном смирении голову мастер церемоний. – Мы все в нетерпении ожидаем твоего веского слова.

Верховный жрец несколько раз стиснул и разжал кулаки, чтобы справиться с раздражением.

– Нам следует научиться понимать его, – сказал он. – Стражу превратить в почетную охрану, подобную той, что сопровождает повелителя и нас самих во время прогулок по Тайпикала. Следовательно, пока мы можем открыто объявить его послом незнакомого дружественного племени, желающим установить с аймара родственные связи. Для богов обидного в этом нет... Когда же речь его, если такое вообще возможно, станет нам хоть примерно понятна, мы сумеем точно истолковать его появление. Пока же можно объявить, что бог не видит в нашей жизни прегрешений и одобряет ее. А если божественная суть и цели этого юноши проявятся раньше – что ж, далее мы будем ведомы самим Творцом, и сомнения наши будут уже вовсе неуместны. И конечно, надо еще раз проверить усыпальницу, соседние сокровищницы и святилища – не возник ли там потайной лаз после не замеченного нами землетрясения? Об этом же толковал любезный Уакаран, с чем я полностью согласен, – кивнул он в сторону мастера церемоний. – Но это так, для собственного успокоения. Вот что я предлагаю, и вам судить, прав я или в чем-то ошибаюсь.

Как и ожидал Аталай, существенных возражений ни у кого не нашлось. Уакаран, вопреки его опасениям, очень легко согласился с мнением верховного жреца. Он даже предложил помощь в организации тщательного обследования комнат пирамиды, примыкающих к усыпальнице. Но Аталай уже знал, кого именно он попросит об этой услуге, а потому вежливо отклонил предложение мастера церемоний.

Напоследок он довел до сведения сапаны и остальных, что поручил своей дочери озаботиться содержанием и развлечением незнакомца, поскольку юная девушка имеет гораздо больше возможностей встретить у любого мужчины, даже бога, интерес к взаимному общению и познанию.

– Не рискуешь ли ты репутацией служительницы Храма? – спросил Уакаран с кривой усмешкой. Другие жрецы также двусмысленно заулыбались. – Желания небесных посланцев непредсказуемы...

– Если это человек, охрана с ним справится, я уже предупредил солдат, – хмуро ответил Аталай. – А если бог, то его любовь не сможет повредить девушке – напротив, послужит на благо всем аймара, став щитом между гневом звезд и людьми.

– Ты хорошо рассчитал, – поддержал верховного жреца Таури. – Нам осталось совершить последнее... Уакаран, загляни в будущее.

Мастер церемоний достал из потайного кармана глиняную плошку и связку свежих листьев коки. Установив посуду на коленях, он сунул горсть листьев в рот и тщательно пережевал их, не глотая слюну, затем выплюнул все это зеленое месиво в сложенные ладони. Перемешав полученный материал большими пальцами, Уакаран раздвинул ладони, и травянистая масса упала в плошку. Мутный сок закапал с пальцев.

Сначала капли падали неравномерно, потом слаженно. Некоторые из жрецов не смогли сдержать испуганные возгласы. Под конец капли снова стали срываться с пальцев по очереди, одна за другой, пока сок на ладонях мастера церемоний не иссяк.

– Пусть будет так, как решено здесь, – неуверенно попытожил Таури. Очевидно, когда имеешь дело с богами, не следует полагаться на силу предсказаний. – И да рассеется туман непонимания.

Голос старика звучал слегка несвязно – пока жрецы спорили, он то и дело прикладывался к кувшину с напитком. Во всяком случае, у него хватило сил, чтобы открыто утвердить решение, по сути проведенное Аталаем. Невзирая даже на неожиданное сопротивление, встреченное им со стороны Уакарана.

«Что он задумал? – в тревоге размышлял верховный жрец, спускаясь по витой лестнице во двор, вслед за вереницей коллег. – Неужели успел найти общий язык с Кумари и готовит людей к своему утверждению советником сапаны?»

Как ни тяжело было смириться с этим Аталаю, он все-таки понимал, что рано или поздно ему придется уступить власть соправителя своему преемнику. Вот только доверить ее Уакарану, первому среди недовольных мягкой политикой Таури, ему не слишком-то хотелось. В этом случае и без того зреющие в молодом сапане жестокость и скрытая тяга к кровавым обрядам и развлечениям обретут под собой благодатную почву. Что за беды обрушатся тогда на аймара?

Небо стало черным от ласточек, когда пятитысячное войско под командованием молодого сапаны Кумари с лязгом оружия и топотом показалось из тоннеля, прорубленного в скале к востоку от города.

Но Кетук не видел этого, поскольку вместе с воинами своей десятки находился только на подходе к этому тоннелю. Перед тем как вступить в его холодный сумрак, он бросил взгляд назад, как почти все его товарищи.

Аймара провожали своих солдат ликующим гомоном и воздетыми к утреннему небу руками. Большая часть, конечно, осталась на площади перед Храмом Солнца, однако многие потянулись следом, по извилистой дороге между зданиями – особенно мальчишки, для которых сегодняшний день превратился в настоящий праздник. «Сыновья пумы с копьями» после трехлетнего перерыва решили напомнить о себе обитателям леса. То есть привести домой рабочую силу для закладки новых полей и возведения новых общественных зданий и дворцов.

Утреннее Солнце заплутало между скал, отразилось от них и пролилось на Тайпикала прохладными лучами. Дома, храмы и дворцы под расплывающимся взглядом Кетука как будто дрогнули и превратились в огромные человеческие головы с безумными глазами. Воин моргнул и поспешил отвернуться. В последний миг ему показалось, что он видит Арику с матерью, своих родителей и всех остальных членов их общины, способных ходить, – они расположились на своем обычном месте возле нижнего края пирамиды, в тени высокой двухэтажной лавки. Арика надела праздничное шерстяное платье, стянув его в талии широким белым поясом, который вышила сама.

Они должны были там стоять, но увидеть их в толпе с такого расстояния, конечно, было уже невозможно.

– Что, уже заскучал? – усмехнулся Синчи.

– Пылинка в глаз попала...

Кетук провел по лицу свободной рукой и размазал неожиданную влагу по щекам, пока она не выдала его предательским блеском. Что за глупости, в самом деле?

К счастью, его десятка уже втянулась в тоннель, и глядеть на что-либо, кроме дороги под ногами и близких стен, ни у кого желания не было. Говорить в святом месте тем более не хотелось.

Эту дыру в скале прорубили неведомо когда, чтобы иметь удобный и быстрый проход к «высокой воде» и рудникам. Но в первую очередь, конечно, чтобы обеспечить наилучшую защиту аймара от вражеских набегов с этой стороны. Оборонять такой ход куда удобнее, чем широкую дорогу поверх горы.

Хотя недругов, что когда-то нападали на город с востока, давно уже не помнит даже самый глухой старец.

Факел в руке десятника то и дело выхватывал из мрака черные столбики древних тотемов и полустертые фрески. Это было древнее святое место. В свой последний дневной час бог Солнца проникает сюда взглядом и дарит немного света скульптурам и рисункам. Но сейчас было раннее утро, и шагать приходилось при свете факела, в громовом шелесте тысяч ног и шуршании каменной крошки. Переговариваться под сводами тоннеля никому и в голову не пришло, только блеяли в страхе пугливые ламы.

Как и все остальные солдаты и военачальники, Кетук надел короткие штаны до колен и рубаху без рукавов, а на ступни – прочные кожаные сандалии, утепленные шерстью альпака. Чтобы не особо перегружать походный мешок, длинный стеганный плащ он тоже накинуд на плечи. Сейчас в общем можно было обойтись и без него, но во время перехода возле снегов без теплой одежды запросто окоченеешь.

Из оружия у Кетука была связка коротких костяных дротиков с глиняной начинкой для тяжести и палица с круглым каменным навершием. В котомке у него лежал кожаный шлем, укрепленный жесткими сухими прутьями, а на спине висел на веревочных лямках простой деревянный щит.

У Синчи был такой же, только обтянутый шкурой тапира, которого он добыл в предыдущем походе.

Сразу за горой перед воинами открылся провал. Он был не очень глубок, всего локтей пятьдесят в глубину, а на дне его перекачивалась по камням река, питающая водой город. Если внутри горы в ушах гремели шаги солдат, то здесь царствовал гомон ласточек, вспугнутых колонной.

За их мечущимися тельцами отчетливо видна была снеговая вершина, самая восточная в целом хребте. Войску предстояло обогнуть ее слева. Сейчас же колонна потянулась по узкой, похожей на старую мостовую дороге, мимо самого древнего сооружения, когда-либо виденного Кетуком, да и многими другими жителями Тайпикала.

Это был Дом карлика. Впервые Кетук увидел его лет десять назад, когда отец взял его с собой на сбор камней.

Дом карлика выглядел так, словно его построили сами боги. Его позеленевшие стены были покрыты неведомыми знаками, о значении которых не догадывались даже жрецы. Единственное окно было обрамлено полированными плитками из пенного кварца, а в стыках между стенами и плоской крышей кое-где сохранились мутные кварцевые кристаллы.

– Ты слышал легенду? – спросил Синчи. Кетук рассеянно помотал головой. – Этот храм карлик-колдун поставил всего за одну ночь. Причем он только стоял и посвистывал, а камни сами собой поднимались в воздух и укладывались в нужном порядке.

– И зачем он так поступил?

– Кто знает? Наверное, просто решил построить себе жилище... А теперь мы считаем его святым местом.

– Это и есть святое место, – с осуждением встрял незнакомый Кетуку воин с перекинутой через плечо пращей. Пояс у него был особенный, с ячейками для метательных камней – сейчас, правда, их у него не было. – Воздвиг бы ты дом одним только свистом, и тебе бы люди поклонялись.

– Что-то я не слышал о боге Карлике, – хмыкнул Синчи.

Пращик сердито промолчал, не найдя что ответить.

Дорога постепенно повышалась, следуя вдоль правого берега реки, причем с каждой тысячей шагов ее пенные перекаты и отмели становились все ближе. Нередко встречались небольшие водопады, вода в которых кипела и рокотала. Но признаки человека попадались так же часто, как и в самом начале перехода, даже, пожалуй, чаще.

Когда у Кетука стали болеть ноги, а ноша с запасной обувью, одеждой и домашней пищей уже порядком натерла плечи, командующий распорядился устроить привал. Кетук и воины его десятки догадались об этом, когда за очередным поворотом внезапно окунулись в гомон тысяч людей, плотно занявших вытянутую неровную площадку между скалами и обрывом.

Огонь, понятно, разжигать не стали – топливо следовало экономить до более подходящего момента. Впереди еще не один такой переход, войско подойдет почти вплотную к границе снегов, и там погреться и приготовить горячий отвар будет намного важнее, чем здесь.

Разгрузить лам также не потрудились. Погонщики только сбили их в кучу и выдали животным силос и воду.

– Ну как, живот еще не болит? – мимоходом спросил десятник у Кетука и еще одного новичка в этом военном походе.

Дождаться ответа командир не стал.

– Если еще не болит, то скоро начнет, – «утешил» друзей пращик.

Кетук, разумеется, знал, что на перевале у многих появятся признаки горной болезни. Тут будет важно не выдать, что тебя скручивает боль, и сохранить лицо неподвижным, а то засмеют. Кетук медленно прожевал единственный кусок вяленого мяса, запил его водой из глиняной фляги, и тут в голове колонны скомандовали выступать дальше.

Замелькали отборные ламы, груженные вещами сапаны и его приближенных, жрецов и слуг. Воздвигнутый ненадолго походный шатер быстро свернули.

Кетук стянул шерстяной плащ и упаковал его в мешок, чтобы не потеть понапрасну.

Когда его десятка через какое-то время проходила через место стоянки молодого сапаны, все обратили внимание на свежий петроглиф на ближайшей скале. Знак был красным, а под ним лежала кучка выжатых трупов каких-то грызунов. Рядом с новым знаком видны были старые, почти смытые дождями. Жрецы недаром едят свой маис...

Еще через половину шестицы, когда Солнце добралось до верхней точки своего дневного пути, дорога сузилась настолько, что идти по ней бок о бок могли только два воина. Колонна растянулась на многие тысячи шагов.

Скоро тропа, впрочем, опять расширилась, и Кетук понял, что войско достигло очередной стоянки. Во всяком случае, движение по тропе полностью замерло, и солдатам пришлось сесть там, где они стояли. Ноги у Кетука гудели после непривычно долгой ходьбы, а плечи, натертые лямками походной сумы, саднили.

– Слышишь? – спросил Синчи и протянул ему половинку листа коки.

Кетук с благодарностью принял дорогой подарок и аккуратно положил мягкий теплый лист на язык. Жалко, нет извести, но и так сойдет.

– А что я должен слышать? Река шумит...

– Камни внутри горы перекатываются! Под нами где-то серебряный рудник. Я там был в прошлом году, когда нас отправили туда для охраны каравана с серебром.

– И в руднике был?

– Конечно. Дырка в горе, и только. Едва пролез, штольни там узкие, везде пустая порода навалена. Заблудиться в галереях ничего не стоит, если факел погаснет и дороги не знаешь. Я в глубину даже не совался. И серебро плавают тут же, не выходя наружу, – жара несусветная! Зато когда потечет в форму... Ничего красивее не видел. Может, золото разве, но в золотом руднике я не бывал, не знаю.

– Я бывал, – пожал плечами прашник. – Ничего особенного, глаза только слепит. А когда застынет, так вообще смотреть не на что. Это потом уже, когда мастер его обработает, пригладит да безделушку выплавит... Тогда конечно. А так ничего особенного.

– На Солнце похоже?

– Когда расплавленное, что ли?

Кетук вытянул шею и попытался заглянуть как можно дальше за поворот тропы. В самом деле, там происходило какое-то движение – ходили с носилками полуголые люди, звучали глухие удары тяжелых горных инструментов и взлетала мимолетными облачками пыль. Она быстро пропадала в водяной мороси, поднятой близким водопадом.

Десятник скомандовал подъем, и солдаты нехотя поднялись. Потоптавшись на месте, колонна пришла в движение, но такое медленное, словно дело происходило в городе, на раздаче пива во время карнавала. Так оно в общем и оказалось. На площадке под крутым склоном был сооружен каменный склад с продовольствием, и теперь каждому воину выдавался паек на ближайшие несколько дней. По рядам солдат время от времени прокатывался недовольный ропот, и уже очень быстро все знали, что «сынов пумы» потчуют откровенными отбросами. Почти все рабочие и стражники, приписанные к руднику, прекратили свои занятия и с откровенной насмешкой наблюдали за хмурыми воинами.

Когда подошла очередь Кетука, толстый чиновник при складе торопливо подал ему что-то дурно пахнущее, завернутое во влажный и скользкий, черный от долгого хранения кукурузный лист. Сзади напирали другие солдаты, и Кетук не стал тут же проверять, что ему подсунули, тем более десятники подгоняли подчиненных окриками.

Миновав склад, колонна пересекала узкую в этом месте реку, над которой рудокопы возвели из пустой породы мост в форме арки. На мосту опять возникла задержка, потому что многие, в том числе Кетук, воспользовались моментом и принялись наполнять опустевшие фляги водой.

– Что это нам дали? – негромко спросил Кетук, когда они с Синчи и вся их десятка уже двигались вверх по узкой тропе, удаляясь от реки.

– Чарке, конечно. В прошлый раз такая же гадость была. Ничего, пару раз выварим в общем котле, и сойдет...

Подъем с каждой тысячей шагов давался все труднее. Хорошо еще, что Солнце к этому времени передвинулось далеко на запад и пекло не так сильно, как в полдень. Кетук легко представил себе, каково приходится ламам, чьи жалобные стоны раздавались все чаще. Если бы людей нагрузили каждого по десять мер веса, половина войска уже упала бы от изнеможения.

Порой тропа превращалась в узкий карниз, выбитый в скале над ущельем. Ламы двигались по внешней кромке тропы, чтобы не задевать поклажей скалу. Камни шатались под их ногами, но животные только фыркали, ничуть не боясь свалиться. Внезапно прямо на глазах Кетука одна из лам наступила передней ногой на неверный камень и потеряла равновесие. Погонщик вцепился в груз обеими руками, но это не помогло – ему пришлось выпустить ламу. С ревом она улетела в провал, подняв небольшую лавину мелких камней, и лишь в сотне локтей ниже угодила между двумя кривыми деревьями и зацепилась за них тюком.

Часть колонны, что следовала за неудачливым погонщиком, встала. Тот разразился проклятиями и стал размахивать кулаками в слепой ярости на глупое животное. Этим он только вызвал усталый смех соратников.

– Гляди, что эта глупая тварь там делает! – воскликнул Синчи.

Лама, которая быстро пришла в себя после падения, уже обгладывала доступные листья как ни в чем не бывало.

Полюбоваться этим нелепым зрелищем солдатам не дали. Подгоняемые окриками десятников, они вновь двинулись вперед и вверх, но сейчас уже с удвоенной осторожностью. Никому не хотелось повторить полет бессловесной твари и переломать кости на крутом склоне.

– Неужели так и бросят? – удивился Кетук.

– Еще чего, – хмыкнул пращник. – Последняя десятка спустит на веревке одного солдата, тот привяжет ламу за брюхо и поднимется с ней обратно.

– А если она не сможет идти?

– Прирежут. Свежее мясо начальникам не помешает... Это не то что тухлую чарке жевать, брат.

На ночь пришлось остановиться в узкой и глубокой расселине, что прорезала горы с севера на юг. После того как Солнце окончательно скрылось не только за белыми вершинами, но и за кромкой самого западного моря, стало так холодно, что Кетука перестала спасать даже его шерстяная накидка.

Во рту все еще стоял мерзкий привкус вываренного в общем котле чарке. Когда Кетук развернул кукурузный лист, на камень посыпались шевелящиеся желтые личинки. Такую дрянь и рабы не стали бы есть. У всех, даже десятников, оказался такой же «подарок» сапаны. Его, впрочем, «подсластили» чашкой чичи, кислой и вонючей – ладно хоть хмельной, – и почти сухим листом коки. Известить никому не досталось.

Кетук спрятал свой листок в карман штанов.

Сбившись в плотные группы, воины заняли каждую более-менее пригодную для лежания площадку среди нагромождения валунов. Они старались не глядеть на глубокое звездное небо, чтобы не мешать жрецам творить их будущую победу.

Кетуку досталась наклонная щель. Чувствуя макушкой чьи-то сапоги, он пытался забыть о холоде, вспоминая каждую шестигу этого долгого дня, пока не уснул.

К утру у него онемело все тело, и пришлось какое-то время прыгать на месте, чтобы почувствовать самого себя. Только к тому времени, как Солнце поднялось над вершинами, а снег, лежащий на них, стал так близок, что смотреть на него без рези в глазах было невозможно, Кетук пришел в себя и смог толком разговаривать.

– Ожил? – весело спросил Синчи. – Тебе еще повезло, что чарке не отравился.

Кетук представил, что кроме неподъемных ног и боли в деревянных суставах его выворачивает на скалы, и содрогнулся. А ведь среди солдат, что вереницей тянулись сейчас вверх, приближаясь к перевалу, таких было не так уж мало – сапоги то и дело оскальзывались на чьей-то рвоте. Хорошо еще, тропа была не самой сложной и довольно широкой, в пять-шесть локтей.

– Но живот все равно болит.

– Горная болезнь... Ничего, скоро перемахнем через эту кручу, и дело веселей пойдет, – обнадежил Синчи. – Потом тебе эти трудности покажутся детскими, поверь. Будешь мечтать о том, чтобы поскорее забраться в родные ущелья и вздремнуть на камнях.

– Что-то не верится. Неужели в лесу так страшно?

– А вот когда облепит тебя мошкара с ног до головы, а с берега посыплется отравленные стрелы... И внизу тебя будут ждать крокодилы, чтобы разорвать на части, и огненные рыбы.

– Не пугай, – опять встрял пращник, обернувшись. Кетук подумал, что с этим опытным парнем уже пора познакомиться поближе. – А послушай лучше про лесных людей, это полезнее будет. Ну вот, они там между собой тоже воют, племена дикарей то есть. Когда нападут на деревню, стараются не женщин захватить, а воинов, и тут же связать. Женщин с детьми, конечно, тоже хватают и к себе приводят, но поменьше, и самых симпатичных.

– Удивил, – хмыкнул Синчи.

– Дальше слушай! А тот, кого связали, уже не дергается, потому что, по обычаю, считай стал членом того племени, которое его захватило. Этих несчастных, значит, обмазывают древесной смолой и обклеивают самыми яркими перьями, словно шаманов. Приводят в свою деревню, понятно. Думаешь, они становятся как все, получают жен и все такое?

– А разве нет?

– Как бы не так. Ну вот, когда приходят они, то всем встречающим начинают разные части тела предлагать, чтобы, значит, их съели. Понял теперь разницу? А эти встречающие играют на флейтах из человеческих костей и пляшут на черепах вокруг кипящих котлов, и вообще у них там радость. Живая еда пришла! А бежать пленнику нельзя, потому что к своему племени все равно не вернешься – убьют сразу же. Везде враг, значит. Это еще что! Допустим, привели человек сто, так ведь сразу столько не слопаешь, потому что людей убивать можно только для жертвоприношения, тут нельзя богов прогневать.

– Они про наших богов знают? – рассмеялся Синчи.

– Боги у всех одни, – отрезал прашник.

– Ты же сам сказал, что пленников на убой привели, – заметил Кетук.

Слушая рассказ прашника, он и думать забыл о студеном ветре и скользких от льда камнях под ногами. Произнес свою короткую фразу, Кетук чуть не задохнулся и стал хватать ртом воздух. В животе снова поднялась толчками тупая боль.

– Ну, сказал! – раскипятился прашник. Этому опытному солдату, похоже, горная болезнь не грозила. – Так ведь одно другому не мешает, верно? Ну, значит, если их много, выжившим все-таки дают жену, и приходится им сидеть по нескольку лет в клетке, пока не придет очередь быть сожранным. Часто бывает, рождаются у такой семьи дети. Если девочка, сразу крокодилам бросают, а мальчик тоже в клетке живет – его потом съедят, уже после отца когда-нибудь. Лет через десять, чтобы потолще стал. И мамаша с превеликим удовольствием в этом поучаствует, потому что она как бы не родственница. А из съеденных, значит, набивают чучела и расставляют вокруг поселка, чтобы они день и ночь охраняли хижины от злых духов леса.

– Да ты про демонов каких-то рассказываешь, а не про людей! – возмутился Синчи. – Я был в лесу, но деревни с чучелами ни одной не видел.

– Увидишь, – пообещал прашник, – если повезет.

Вершину перевала армия преодолела сразу после полудня. Как-то вдруг впереди стали видны не только низкие облака и грязно-белые скалы, а вся земля целиком. У Кетука на минуту захватило дух – далеко внизу, словно в другом мире, лежала размытая дымкой зелено-коричневая равнина в пятнах озер и лентах речушек. Неужели там бурлит жизнь? Ледяной ветер трепал полы Кетукова плаща и одинокий голый куст, чудом проросший в расселине, а впереди лежало целое живое море, под волнами которого скрывались неведомые звери и враги. А главное, настоящие пумы – символы бога Солнца.

Каменистая тропа, петляя, стала проваливаться вниз, все чаще выбирая не пологие участки, а ступенчато сбегаящие к океану зелени. Словно первые аймара, торившие путь, торопились достичь леса как можно скорее, не задумываясь об удобстве обратного пути.

Ламы прыгали по камням, словно горные бараны, и поминутно кричали, оступаясь. Но погонщики зорко следили за ними и не отпускали поводьев.

Скоро небо, открывшееся ненадолго, чтобы показать воинам их цель, вновь затянули быстрые и влажные облака. За ними скрылись и река, и мерцающая дуга крупного озера.

Поначалу верховный жрец немного опасался за Майту. Но во время обеда дочь поведала семье о забавном эпизоде, когда пришелец попытался задрать на ней платье, а потом вполне удовлетворился наложницей.

Аталай успокоился – гость вел себя как обычный человек, сквозь стены не проходил и женщин не чурался... А значит, с ним когда-нибудь можно будет договориться.

Повседневные заботы о храмовом хозяйстве немного помогли верховному жрецу отвлечься от свалившейся на голову проблемы. Прежде всего следовало дождаться результата обследования пирамиды, которое он поручил Уакарану, а занять меньше суток оно никак не могло.

Способствовало передышке также и то, что гость-пленник вел себя не слишком активно. На улицы города пока он не рвался, предпочитая есть, пить и бурно развлекаться с приходящими к нему наложницами Аталая. На ночь он потребовал двоих девушек. Услышав о таком скромном запросе, верховный жрец еще больше засомневался в божественном происхождении гостя.

Поскольку скрыть от людей факт появления в усыпальнице белокожего гиганта было все равно невозможно, слухам об этом событии позволили растекаться беспрепятственно. После того как армия во главе с молодым сапаной Кумари выступила в поход на лесных людей, а население Тайпикала получило передышку до полудня, эти слухи получили дополнительный толчок – народ толкся на улочках, пил чичу и общался. Аталай специально отрядил в город нескольких младших жрецов, наряженных как обыкновенные крестьяне – в простые холщовые пончо без всяких полос.

Ближе к вечеру второго дня пребывания «посланца богов» в городе Аталай решил лично навестись в Храм Солнца, чтобы поглядеть, как идет его обследование. Не слишком хорошо себя чувствуя, он позвал с собой Ило.

– Я много читал старые таблички в небесной комнате, – сказал помощник, когда они стали спускаться в подземелье, подсвечивая дорогу факелом. Те, что горели тут в течение дня, уже были погашены. – Мне понравился план одного старого жреца, который почему-то не захотели воплотить в камне.

– Что за план, Ило?

– Все видели на вершине пирамиды большой, тяжеленный каменный диск, но никто не смог объяснить мне, зачем он был водружен туда при постройке. И вот я отыскал старинную табличку, где с помощью рисунков показано, каким образом его следовало использовать!

– Надо же, – вяло заинтересовался верховный жрец. Он был благодарен помощнику, что тот старается отвлечь господина, придавленного заботами, чем-то совершенно далеким от обыденности. – И как же именно?

– В середине его должен быть изображен бог Солнца...

– Разумеется, – хмыкнул Аталай.

Они спустились в тоннель и направились в сторону Храма. Оттуда уже доносились сильно искаженные голоса и стук – судя по всему, металла по стенам.

– Это еще не все! От головы пумы расходятся круги, словно от брошенного в лужу камешка, – в первом крокодил, потом обезьяна, олень, кондор, сокол... Еще четыре квадрата по сторонам света, а в каждом петроглифы богов Вечной молодости, Ветра, Дождей и Вод. По самому краю диска множество змей, как символов вечности, головами они смотрят в стороны и «расползаются» словно лучи Солнца. Там же волосатые кружки, явно звезды. Да, совсем забыл сказать, Аталай...

Ило чуть не споткнулся, будто какая-то мысль настолько поглотила его разум, что видеть камень под ногами было уже невозможно.

– Помнишь, кто-то сообщил, что видел яркую подвижную звезду на утреннем небе? Я решил повторить это наблюдение и тоже ее заметил. Она двигалась так, словно оторвалась от небесного свода и получила свободу! Я не удивлюсь, если однажды мы увидим ее даже днем.

– Все это слишком странно...

Мысль о том, что явление незнакомца и новой движущейся звезды могут иметь между собой прямую связь, возникла в голове верховного жреца неожиданно. Он поглядел на озадаченную физиономию помощника, шагавшего рядом, и понял, что тот пришел к такому

же выводу. Неужели этот безязыкий здоровяк действительно посланец богов, упавший со звезды?

Нет, лучше все-таки не торопиться с выводами. Звезды приходили и раньше, нередко они даже падали целыми роями, но никого с собой они до сих пор не приносили.

– Ты думаешь, нужно высечь все эти символы на диске? – сменил он тему.

– Было бы неплохо, – кивнул Ило.

Тут они сделали последний поворот, очутившись в самом сердце подземной части пирамиды. Шум от голосов превратился в более-менее отчетливую речь. Дверь усыпальницы была открыта, а рядом с ней вместо одного воина расположились два. Поодаль находились двое жрецов, они с помощью лестниц поднимались к самому потолку хода и простукивали стены небольшими окатышами, пытаясь уловить какую-либо неправильность в кладке.

В первое мгновение после появления новых лиц солдаты вскинули руки, чтобы пустить в ход копья, однако Аталая не узнать было невозможно, и они вновь замерли в прежних позах.

Усыпальница была так велика – больше любого другого помещения в Храме, – что ее обследование требовало участия нескольких человек одновременно. В середине, рядом с мумией самого древнего сапаны, стоял мастер церемоний с глиняной табличкой. По-видимому, на ней был высечен план усыпальницы.

Рядом с Уакараном находился младший жрец. В его руке догорал факел. Еще несколько жрецов разбрелись по усыпальнице со своими факелами и деревянными лесенками, с помощью которых они карабкались под самый потолок зала, чтобы осветить самые темные углы.

«Чисто!» – то и дело восклицали они, а Уакаран выцарапывал на глине соответствующие пометки.

– Как продвигается обследование? – спросил Аталай.

– Сейчас заканчиваем.

– Полагаю, ничего необычного найти не удалось?

– Ты на редкость прозорлив, Аталай.

– Опрос воинов из числа храмовой тысячи что-нибудь дал?

– Молчат даже под пытками. Сотники клянутся всеми богами, что никто из солдат никогда не видел этого посланца до той шестицы, как он выбрался из пирамиды и его повели к тебе в дом.

– Я бы все-таки проверил каждый угол лично, – помолчав, заметил верховный жрец с недовольством, чем заставил мастера церемоний нахмуриться.

– Когда пройдешь по всем прилегающим комнатам и разгребешь полки, которыми они заставлены... Знал бы ты, сколько там за сотни лет скопилось утвари, и половина давно сгнила! Извини, но я устал.

– Понимаю. Пойдем, Ило.

Верховный жрец быстро, словно не провел целый день в переходах от одного Храма к другому, зачастую по крутым лестницам, направился в сторону дальнего конца усыпальницы.

– Ты уже думал об убийстве и красной шелковой нити?

– Все указывает на жреца, – кивнул помощник, словно с трудом припоминая преступление. Заботы последних дней так взбаламутили привычную жизнь, что даже такое событие, как кровавое бесчинство в ночи, отступало на дальний план. – В этом я согласен с тобою, господин. Я поговорил с Уймуном, как ты мне приказал, и он считает – раб был зарезан ритуальным клинком.

– Кто-то пытался призвать на головы аймара демонов?

– А может, ему это удалось? – подхватил Ило.

Верховный жрец чуть не споткнулся, поглощенный собственной идеей. И как ему не пришло это в голову раньше, сразу после появления чужеземца в усыпальнице?.. Но в таком

случае Алекос – вовсе не безобидный казус богов, а воплощение зла на земле, призванное жрецом-убийцей? Аталай буквально похолодел от такого предположения.

Невозможно, немыслимо! Как может белокожий гигант быть порождением подземного царства, если никто не смог распознать в нем зло, даже мастер церемоний? Уж он-то как никто разбирается в богах и демонах, недаром столько лет ублаговворял их ритуальными убийствами. Уакаран! «Неужели это он?» – осенило верховного жреца нестерпимой мыслью.

На его счастье, в этот момент они с Ило достигли цели, иначе сердце наверняка зашлось бы от боли.

Уже много лет Аталая ничуть не трогали ссохшиеся от времени мумии старых правителей, сидевших каждый на своем троне, в компании с точной золотой копией. Разумом, конечно, верховный жрец понимал, что это разные образы одного и того же бога Солнца, а потому достойны такого же поклонения, как само дневное светило. Но помещенные здесь, в холоде усыпальницы, они в значительной степени потеряли мистическую энергию, некогда – при жизни – переполнявшую их.

Ясно видимые в случаях, когда эта комната становилась местом массового паломничества, барельефы на стенах сейчас едва просматривались. Разные животные и пауки, древние символы богов, словно ползали по желтым, белым и красным пятнам. В полумраке они казались куда более зловещими, чем при ярком свете факелов.

Младший жрец, путаясь в полах расшитого черными полосами плаща, уже спускался с лесенки. Отблески его угасающего факела метались по древней бугристой стене, словно гигантские змеи из мира мертвых.

– Ничего, – поклонившись, сообщил жрец. – Эти стены не трогал никто после самой постройки Храма, в углах даже паутины нет.

– Так и должно было быть в святом месте, – кивнул Аталай. – Мы всего лишь хотим убедиться в очевидном...

Жрец не решился отойти, пока Аталай медленно вел по стене ладонью, собирая на нее вековой налет копоти. Чтобы пробиться через скалу, в которой, собственно, и были вырублены все помещения Храма, потребовалась бы не одна неделя напряженного труда и множество твердых инструментов. Не менее твердых, чем этот камень... Такая трудная работа не могла бы остаться незамеченной и неслышанной. А ведь многие жрецы то и дело посещают пирамиду по служебным надобностям, отыскивая в ее комнатах нужные атрибуты или просто выгребая истлевшие от старости «сокровища».

Впустить в Храм человека только для того, чтобы через какое-то время он захотел выбраться обратно, нагим и без реликвий? Нет, никакой солдат не осмелился бы осквернить усыпальницу, опасаясь расправы сидящих в ней богов.

– Ты его видел, Аталай, – несмело, но прерывистым от любопытства голосом спросил младший жрец. – Какой он, посланник богов?

– Идет только второй день, а вся храмовая братия уже знает о явлении!

Аталай почувствовал досаду, но совсем не оттого, что слух так быстро распространился. Хотя младший служитель Храма наверняка так и подумал. Нет, верховный жрец пребывал в тщательно подавляемом смятении, в которое впал его разум после такого небывалого события. Вот уже четыре десятка лет он служит богам телом и душой, приносит им жертвы и совершает каждодневные моления, не говоря уж о многих ночах, проведенных у зрительных труб и за изучением астрономических петроглифов и звездных фигур. Мир давно ясен ему до последнего пятнышка на Луне и волоска на теле альпака. Богам полагается пребывать высоко в небе, взирая на смертных с высоты своего положения, и не мешать им творить мелкие шалости.

Зачем оказался тут белокожий гигант? Что он должен сделать такого, до чего у простых людей не дошли бы руки? В какую тайную щель заглянуть, невидимую со звезд, и донести о

том покровителям мира? Именно на то, что привычный ход вещей дал сбой, заставив Аталая противодействовать этому с риском быть раздавленным богами, он и досадовал.

– Уакаран разрешил нам не скрывать это знание, – оправдался младший жрец.

– Человек, первым увидевший гостя, еще не очнулся? – спросил Ило.

– Не знаю, господин!

Похоже, этот простой парень был готов сам брякнуться в обморок от такого двойного натиска.

– Скоро посланник выйдет к нам, а затем явит себя народу, – бросил Аталай и скорым шагом, как только мог быстро, направился к выходу из усыпальницы.

Как ни тяжело ему было передвигаться после дневных трудов, близкое присутствие богов в лице старых правителей не давало ему расслабиться. К тому же упоминание Ило о жреце, повредившемся головой, напомнило Аталая о его намерении посетить лекаря.

На этот раз они выбрали другую дорогу, сразу поднявшись на улицу по узкой и крутой северной лестнице. Ило поддерживал наставника под руку, чтобы ему не пришлось отдыхать через каждые десять ступеней. Ход вывел их к синему из-за сумерек переулку, примыкавшему к Храму. Тут жили семьи младших слуг сапаны и мастеров по металлам. Вдоль улицы лежал последний луч Солнца, готовящегося закатиться за Храм, что возвышался на скале к западу от города.

Сейчас на этой улочке было довольно шумно. Главы семейств возвращались со своих работ. Судачили на камнях старухи, пользуясь последним теплом, при этом они успевали сплевывать в кувшины пережеванные маисовые зерна, чтобы те перебродили в чичу. Играли с собаками и друг с другом дети. Переругивались через ограды хозяйки, успевая хлопотать у очагов.

Однако ледяной ветер с белых вершин уже подгонял людей к огню. Улица упиралась в квартал знати, и как раз в этом месте, вплотную к отвесной скале, прилепился дом лекаря, который пользовал всех высших жрецов и чиновников. Звали его Уймун, и полноправным лекарем он стал несколько лет назад, когда достиг на этом поприще немалой известности. Распорядитель храмовых работ приказал освободить его от обязанностей жреца и предоставить другое, более почетное жилище.

Чтобы попасть в помещение, где обычно и проводились лечебные действия, нужно было пройти вдоль всего дома, между ним и высокой плетеной оградой. В сопровождении слуги оба жреца вышли в сад, к низкой соломенной крыше, установленной на четырех столбах.

Сейчас под ней сидела на скамье молодая женщина. Она привела дочь, лицо которой искажала боль. Лежа на холщовой подстилке, девочка поскуливала со сжатыми зубами, пока Уймун с помощью сына разминал ей тазобедренный сустав. Вдоль всего края подстилки, прижимая ее к земле, стояли глиняные фигурки людей и животных с оскаленными мордами. Лекарь негромко напевал, а его подручный свистел, выбирая паузы между словами Уймуна. Они сделали все, чтобы у злых духов и врагов больного не было возможности помешать исцелению.

– Господин... – Женщина при виде верховного жреца вскочила и склонилась со сложенными на груди руками. Уймун отвлекся от лечения и тоже хотел приветствовать Аталая, но тот хмуро кивнул и жестом приказал лекарю продолжать.

– Где содержится наш пострадавший? – тихо спросил он у Ило.

– В комнате для тяжелых больных.

– Все понятно, – сказал лекарь, окончив осмотр девочки. – Принеси наш отвар для этого случая.

Мальчик сбегал к дому, снял с открытой полки обожженный до черноты глиняный кувшин в форме старушечьей головы и нацедил лекарство в глубокую чашку, затем подал ее отцу. Тот потрогал отвар языком, поморщился и силой заставил девочку выпить его. Пациентка мычала и мотала головой, но все-таки допила мерзкую, судя по всему, жидкость, чтобы тут же

с выпученными глазами прижаться к матери. Похоже, ее так и тянуло стошнить, однако она крепилась.

– Я даю тебе еще семь раз по столько же, – сурово бросил лекарь и подал знак сыну, чтобы тот наполнил отваром пустую емкость. – Пей каждый вечер, и болезнь пройдет. И больше не приходи ко мне с этим суставом, помогать не буду – это значит, ты нарушила мое приказание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.